

Впечатления

Понятно, что, даже кратко рассказывая о своих путешествиях, нельзя передать всего того, что иронично называют романтикой, поэтому стоит остановиться на некоторых эпизодах, из которых тогда складывалась моя повседневная жизнь.

«Национальность»

1970 год. Берег Подкаменной Тунгуски, непосредственно под посёлком Ванавара. Ночь. На кусок клеёнки брошён спальный мешок. Над костром в котелке вот-вот закипит вода. Тишина, мой первый день в Ванаваре, ограничился посещением почты и отправленными телеграммами о прибытии. Завтра идти вниз по реке 25 километров до устья реки Чамбы. От расспросов о тропе Кулика я решил воздержаться, так как не хотелось привлекать к себе внимания по простой причине – забыл дома в Москве паспорт. Не исключено, что во время разговоров с местными жителями могли возникнуть вопросы и ко мне, и тогда первый же милиционер мог потребовать показать документы. На этом, наверное, моё путешествие и было бы закончено.

Освещённая призрачным лунным светом поверхность реки, вдалеке вверх по течению, сливалась с берегами, и казалось, что уже ни чьё вмешательство не может ничего изменить в этой нерукотворной картине.

Но тут, вдалеке, показалась, сначала медленно перемещающаяся на поверхности реки точка, и мне не трудно было догадаться, что это лодка, и при том с подвесным мотором, когда до меня стал доноситься сначала еле слышный, но характерный для двухтактного двигателя звук.

Почему-то мне показалось, что лодка направляется именно к моему, горевшему на берегу костру. Так оно и оказалось и когда, сидевший в лодке человек заглушил мотор, и деревянная лодка ткнулась носом напротив меня в берег, я отрезал от буханки хлеба ещё одну четверть и сделал второй большой бутерброд.

Балансируя в лодке, на берег сбежал человек и, подойдя ко мне, даже не поздоровавшись, с сильно заметным акцентом, сразу же ошарашил меня своими словами:

- Я уже за пять километров увидел, что у костра сидит русский и кипятит чай!

Я же, протягивая этому странному человеку бутерброд, который он взял, также, не выражая ни чем своей благодарности, выразил своё недоумение его осведомлённостью о своей персоне:

- Понимаю, что можно догадаться, что у горящего костра сидит человек и даже то, что он кипятит чай, но как за пять километров, можно определить его национальность?

Это так просто, - сказал незнакомец, снимая котелок, висящий над костром, и после небольшой паузы продолжая вводить в меня в курс местной магии, – потому что эвенк ставит котелок на угли, вот так!

Я насыпал в котелок, в котором уже закипел вода, чай и переставил его с углей на землю.

- Русский же, - продолжал говорить незнакомец, - подвешивает котелок или чайник над костром и его хорошо видно за много километров.

- Как всё просто, - с удивлением отметил я, и предложил ему вместе со мной почаёвничать.

Незнакомец отказался и, захватив бутерброд, который я ему дал, снова сел в свою лодку, оттолкнулся веслом от берега, запустил мотор и поплыл дальше вниз по течению реки.

Я пил чай, смотрел ему вслед, пока очертания его лодки не исчезли в призрачном, с зеленоватым отливом лунном свете, словно струящемся по зеркальной поверхности реки, и с улыбкой думал, как сильно отличаются русские от эвенков. И особенно тем, как сидя в одиночестве на берегу одной и той же таёжной реки, они «кипят чай».

«Декабристы»

6 июля 1974 года Иркутск встретил меня 18° тепла и суматохой у транзитных касс. Как таковой очереди не было, плотно прижавшаяся к кассам в 5-6 рядов масса пассажиров, что-то бубнила, твердила, требовала, протягивала через головы билеты и чего-то ждала, как я потом выяснил, свой номер в очереди на очередные рейсы в неизвестно какие дни.

Мой билет, дважды пропутешествовавший по верх этой суматошной толпы, так в итоге и оказался просто транзитным билетом, а бронь за которую я заплатил, и которую мне гарантировали в Москве на указанный в билете местный рейс, оказалась обыкновенной липой, так как не была подтверждена в билете специальной отметкой.

Повозмущавшись, где только можно и успокоившись после того, как стало известно, что сегодня в Киренск все рейсы отменены, а завтра, возможно, возобновляться по расписанию, я пошёл получать свои рюкзаки, что бы сдать их в камеру хранения.

В камере хранения, я перед этим узнал, что свободных мест в ней нет, и поэтому пришлось около часа проторчать в очереди, пока N-ое количество счастливых обладателей посадочных талонов на рейсы в другие города Советского Союза, не разобрали свои тюки, чемоданы, сумки и прочие атрибуты дальней и беспокойной дороги.

Избавившись от рюкзаков, я отправился на экскурсию в город. Время было около десяти Москвы и поэтому в связи с разницей во времени в пять часов, кое-какие магазины были закрыты на обед, и я так же заправился двумя пирожками и бутылкой местного лимонада.

Затем сел в подъехавший к ближайшей остановке троллейбус и поехал на нём в центр города, не обратив особого внимания, что за стеклом у водителя была табличка с надписью «Обкатка».

Я вспомнил про неё, когда троллейбус резко остановился и оторвавшаяся от места крепления контактная штанга, сильно ударила по его крыше.

Звуковой эффект наверно был таким же, если б на крышу троллейбуса обрушился пролёт моста.

Пришедшие не сразу в себя пассажиры покидали салон, особенно, не возмущаясь, понимая, что это не вина водителя, а тех, кто этот троллейбус сделал.

Все стали разбредаться в разные стороны, и я пошёл за основную часть своих бывших попутчиков, к предполагаемому мной центру города.

Когда по пути туда я наткнулся на указатель нахождения агентства «Аэрофлота», то сразу же припомнил места, мной уже обхоженные в прошлом году.

Как и тогда в хозяйственном, спортивном и книжном магазинах был обширный выбор залежавшихся товаров.

Правда, в этот раз, на одном из углов улицы продавались апельсины и средней упитанности и длины очередь за ними, при этом не роптала, как иногда бывает в Москве, чтобы этот товар отпускали только по килограмму.

Зайдя на почту, я облюбовал у стены уголок с уютным двухместным столиком, перегородка посередине которого, отделяла меня не только от соседа, но и от созерцания большей части помещения.

Относительная тишина только способствовала сделанному там мной в дневнике меланхолическому описанию первого дня моего путешествия.

Вернувшись затем в аэровокзал, чтобы проверить, не изменилась ли лётная обстановка в окрестностях Киренска, я снова отправился в город, где теперь начал изучать набережную Ангары в районе Краеведческого музея. Как прошла первая ночь на аэровокзале, оттого, что утром плохо соображал, я решил не делиться своими впечатлениями в дневнике. Также решил этого не делать и в последующие дни, как только утром 7 июля 1974 года узнал, что нечего надеяться вылететь в Киренск до 0 часов 32 минуты, и поэтому опять бродил по улицам Иркутска.

Было воскресенье, поэтому работали только продовольственные магазины и как исключение из правил, только один промтоварный.

В одном из газетных киосков увидел японские стереоскопические (с имитацией объёмного изображения) открытки с видами Байкала и достопримечательностей Иркутска. Цена открыток у многих отбивала желание их покупать, и даже я, не смотря на охвативший меня большой соблазн, на это не решился.

8 июля 1974 года о транзитных пассажирах на аэровокзале, как будто просто забыли.

Первым взбунтовался капитан. Капитан был сухопутный и наверно по долгу службы больше полагался на телефонную связь с инстанциями, которые могут оказывать помощь, поэтому сразу начал действовать. В его надежду, что кто-то придёт к нам на выручку на другом конце телефонного провода, я, честно говоря, не поверил.

Капитан сначала поговорил с корпунктом «Известий», потом с помощником начальника Восточно-Сибирского управления гражданской авиации и затем, когда иссяк его энтузиазм у сопровождавших его попутчиков, в том числе и у меня, он пошёл и лично (тет-а-тет) поговорил с начальником Иркутского авиаотряда.

После этого, по его разгорячённому лицу, я понял, что все его старания оказались напрасными.

Корпункт «Известий» не известно, как в дальнейшем отреагировал на вопиющий сигнал бездушного отношения к людям, сославшись, что пока нет свободного сотрудника, чтобы выехать на место, «помначвостсибуга» выразил не более чем сочувствие к его личным проблемам, а начальник Иркутского авиаотряда, по всей видимости, вежливо и просто послал его на...

В каких именно выражениях это было сделано, выяснять мне у капитана, в том момент, показалось более чем не уместным.

Отозвав свою попутчицу в сторону, капитан сказал нам, - «до встречи утром», - и отправился с ней в гостиницу «Аэрофлота», в которой он ещё не сдал свой номер.

Это сразу привело оставшихся снова ночевать на аэровокзале его попутчиков в полное уныние, которое вмиг рассеялось, как только было сообщено о дополнительном рейсе в Ербогачён с посадкой в Киренске, и все бросились к кассам.

Диспетчер по транзиту, который сказал нам, чтобы те, кому нужно в Киренск подошли к ней в 10²⁰, не появилась даже в 11³⁰, вплоть до отправки самолёта.

У другого диспетчера все попытки выяснить что-нибудь о нашем положении ни к чему не привели. Она вообще не обращала на нас внимания, так что возмущение «киренскитян», вскоре достигло своего апогея.

В итоге наступил такой момент, когда все двинулись от пункта регистрации билетов к начальнику Иркутского авиаотряда.

Помня, чем закончился к нему поход капитана, я попросил своих наиболее разгорячённых попутчиков, не требовать от него ни дополнительного рейса, ни посадочных талонов на предстоящие транзитные рейсы, а только потребовать от него, чтобы нам дали жалобную книгу, которую отказываются дать его сотрудники.

Поэтому, когда я первым пробился в кабинет к начальнику Иркутского авиаотряда с этой просьбой, то сразу сказал ему, что и все остальные в очереди к нему на приём стоят с тем же вопросом, почему жалобная книга, которая должна находиться на самом видном месте, прячется от пассажиров работниками аэропорта?

Тогда он разрешил присутствовать при нашем разговоре всем, кто добивался у него приёма.

При этом он сразу перешёл в атаку, обвинив нас же в том, что мы своими противоправными действиями, только мешаем, нормальной работе аэропорта.

Правда он только добился того, что все стали возмущаться, что под этим предлогом, им покрывается хамское отношение к людям его сотрудников, и если он не назовёт фамилии диспетчеров, работавших в это время и администратора, который отказался нам выдать жалобную книгу, то мы обратимся на него с жалобой в прокуратуру.

Вместо этого, чтобы удовлетворить гашу просьбу, начальник авиаотряда попробовал закруглить разговор, обычной для любого демагога фразой, - «что он не привык работать в подобной атмосфере», -на что я ему ответил тем, - «что тогда нечего всех было и приглашать в свой кабинет». На это начальнику Иркутского авиаотряда ответить уже было не чем.

Поэтому на его компромиссное предложение оговорить всё с одним представителем, все сразу же согласились, и я, спросив своих попутчиков, не будут ли они тогда против моего представительства, попросил всех подождать меня за дверью.

Итак, мы наедине и начальник, как и все прочие, возглавляющие разные бюрократические учреждения, начинает, как следователь, задавать вопросы, которые касаются непосредственно моей личности, а не сути обсуждаемого дела.

Подробно даю интересующие его сведения, а на вопрос, почему я не воспользовался бронью и собственно чего лично сам добиваюсь, я ответил, что для себя лично ничего. Хочу всего-то, только получить жалобную книгу, чтобы подробно в ней изложить, что не требую ни дополнительного рейса, ни гарантированной даты вылета в Киренск, а только элементарного человеческого отношения к транзитным пассажирам. Ошеломлённый моим ответом, начальник авиаотряда был вынужден дать только однозначный ответ. Ему не трудно было догадаться, что его любой ответ, почему нам дают жалобную книгу, мог означать только то, что при дальнейшем разрастании конфликта, он сам, по собственной инициативе, напишет заявление, чтобы его уволили по собственному желанию.

- Что ж, - бросил он мне в лицо, много раз, выручавший его козырь, - у вас всё?

- Да, всё, - ответил я, - больше мне ничего не нужно.

Тогда он отправил меня с какой-то женщиной из секретариата на выяснение фамилий работников сегодняшней смены, как будто это нельзя было выяснить по телефону. Кроме того, женщине было дано указание найти жалобную книгу, не смотря на то, что она всегда должна была находиться на самом видном и доступном для пассажиров месте.

После непродолжительного монолога этой женщины с администратором, мне эту «Книгу жалоб» всё-таки выдали.

Но так как было не просто излить все накопившиеся во мне чувства возмущения, то выразить их с краткостью достойной Цезаря, понятно, что не получилось. Особенно, когда я сравнивал внимание, с которым относятся в аэропорту к транзитным пассажирам с тем равнодушием, которое мы проявляем к бездомным собакам, в том смысле, что нам их жаль, но мы очень далеки от мысли, чтобы чем-то самим облегчить их участь. Глубже развить эту мысль, у меня просто не было

времени, как и элементарных условий, для того, чтобы в тишине сосредоточиться на раскрытии её глубокого философского смысла.

Всё время, когда я занимался сочинением, этого почти литературного опуса, меня прерывали попутчики с требованием объяснить, в чём суть моих требований, и как это может помочь всем вылету в Киренск.

Но, когда ко мне, заканчивающему писать жалобу, привели ту молодую диспетчершу, с явными признаками поздней беременности, на очную ставку, то даже, кто сомневался в необходимости того, зачем я этим стал заниматься, вопросов уже не возникало.

Диспетчерша всё сначала пробовала отрицать, но все подтвердили, что так, именно, и было, не только по отношению ко мне лично, но и ко многим другим.

Чтобы роды молодой диспетчерши не начались прямо на глазах возмущавшихся пассажиров, её сразу же куда-то увели, и мы больше с ней в аэропорту не встречались.

Желающих расписаться под моей жалобой было много, но я не разрешил этого сделать, объяснив это тем, либо пусть каждый высказывает свои претензии в книге жалоб лично, либо вообще ни во что не вмешивается со своими предложениями и советами.

Когда свои эмоции излагал в книге жалоб пятый человек, что-то надломилось в бюрократической машине иркутского аэропорта, лопнула или треснула какая-то пружина, позволявшая сохранять ей полное хладнокровие или невозмутимость, и было объявлено по радиотрансляции о регистрации пассажиров, желающих вылететь в Киренск.

Кое-кто, в том числе и я, успели зарегистрировать свои билеты, согласно списку в очереди, а остальным, как всегда было объявлено, в какое время и куда подойти на регистрацию, но уже на другой рейс.

За время предшествующее этой регистрации, меня дважды приглашали по радиотрансляционной сети зайти в какую-то девятую комнату, но, понимая, что цифра девять в перевёрнутом виде является шестеркой, я не воспользовался этим, казалось бы, счастливым для любого обывателя шансом.

Через несколько часов я встретил в одном из коридоров капитана и, проинформировав его о том, как без него тут развивались события. При этом дал понять, что если он тоже завтра напишет что-нибудь в том же роде, что и я в «Книге жалоб», то уже не то, что мы грешные, он персонально получит ЯК-40 и продолжит свой путь в Киренск, в располагающем к поэзии, одиночестве.

После этого разговора я поехал с одним из своих коллег-транзитников на троллейбусе в город, по тому же 4-ому маршруту. Теперь город не казался мне столь мрачным, и я с восторгом делал всё новые и новые открытия на лучшей в городе улице имени Карла Маркса.

Я даже с радостью приобрёл почти со всеми видами «стереоскопические» японские открытки, хотя и выложил за них огромную по тем временам сумму в тридцать рублей. Предложи мне кто-нибудь это сделать вчера, я мог бы подумать, что этот человек просто ненормальный, если даже одну открытку, долго колеблясь, так и не решился тогда купить.

Мне предстоял вылет 9 июля 1974 года в 6²⁰, и я постоянно размышляя, сколько ещё предстоит времени ждать в Киренске рейса до Ерёмы, хорошо понимая, что это даже Господу Богу неизвестно.

Но, к сожалению, Господу Богу было неизвестно, когда я вылетчу даже в Киренск. Меня, как счастливого обладателя посадочного талона сначала обрадовали просто отсутствием в наличие самолёта, что привело к задержке моего рейса до 14⁰⁰, а затем плохими метеорологическими условиями над Киренском.

Как оказалось, капитан зарегистрировал вчера билет на рейс В11 дополнительный, а затем, немного подумав, на В11 основной. Радости его не было предела, когда по радиосети объявили о том, что рейс В11 основной переносится на 3⁰⁰ 10 июля 1974 года, а что будет с нашим рейсом, об этом опять негде было узнать. Ясность наступила только в 14⁰⁰, когда объявили и о задержке моего рейса до 2⁰⁰ того же 10 июля 1974 года.

С радости пришлось выпить в компании попутчиков бутылку «Старого замка», которую я достал, из взятого назад в камере хранения, рюкзака.

Предстояла четвёртая кошмарная ночь на аэровокзале с начала моего прибытия в Иркутск.

10 июля 1974 года, с утра нас утешили, что Киренск не принимает, но руководство, «идущее нам навстречу» якобы пообещало переоформить всех желающих на Усть-Кут. Сначала сказали, что это произойдёт в 6⁰⁰, потом в 12⁰⁰, а когда прошло и это время, с нами просто перестали разговаривать. И опять закрутилось чёртово колесо иркутского аэропорта.

Я с капитаном Мамонтовым, сделал два круга от диспетчера по транзиту и администратора до начальника отдела перевозок и заместителя начальника иркутского авиаотряда.

Затем колесо замерло на очередном обещании, когда нам пообещали, что билеты оформят только завтра на рейс В37, и мы сделали ещё два круга, но уже в обратную сторону. Начальник отдела перевозок, когда мы к нему обратились в последний раз начал провоцировать капитана Мамонтова на скандал, угрожая, что он сообщит о его поведении в аэропорту его начальнику.

- Что вы тут собрали все посадочные талоны, что вы печётесь о ком-то, а не думаете о себе, от тех последствий, с которыми ещё столкнётесь, с провокационными целями используя трудности аэрофлота. Не таких лиц, ещё, как вы, призывали к порядку и т.д. и т.п.

Мне надоело это слушать, и я, взявши капитана Мамонтова за руку, сказал, - не лучше ли нам пойти поговорить к заместителю начальника иркутского авиаотряда, которой сам предложил, в случае чего, заходить к нему?

- Только попробуйте пойти, - пригрозил нам вслед начальник отдела перевозок, но мы своё намерение всё-таки осуществили.

Заместитель начальника начал сразу же с того, - «что мы всё ещё продолжаем скандалить и мешаем всем нормально работать, занимаясь чёрт знает чем».

Мы пробовали возражать, заместитель начальника, только махал руками и говорил, - что слушать нас не хочет и что с нами ему всё и так ясно, как уже надо поступать.

Мы переглянулись с Мамонтовым, и я не обращая больше внимания на то, что говорит заместитель начальника Иркутского авиаотряда, сказал ему, - что и нам теперь должно быть ясно, что делать.

Когда мы уже были в дверях, он, тем не менее, крикнул нам вслед, - «что он уже и так сделал всё возможное, распорядившись зарегистрировать нас на завтрашний рейс В27».

Это было последней каплей переполнившей через край наше терпение. Я и капитан Мамонтов решили каждый от себя лично послать телеграммы в Москву, в Главное Управление Гражданского Воздушного Флота (ГУ ГВФ). В общих чертах текст телеграмм был идентичным. Мы в них сообщали, что в Иркутском аэропорту транзитные пассажиры не обслуживаются по шесть суток. При этом отправка пассажиров там производится в основном в конечные аэропорты, а в промежуточные аэропорты только в последнюю очередь. Отметим также и то, что начальник отдела перевозок, вместо того, чтобы лучше работать, провоцирует

транзитных пассажиров на скандалы и угрожает репрессиями, а руководство аэропорта этому всячески потворствует.

Не успели мы отправить телеграммы, как была объявлена регистрация на В11 дополнительный, который мы весь день ждали. Регистрация пассажиров опять напоминала будни сумасшедшего дома.

По радио ничего не объявляли, кто-то что-то говорил, кто-то кому-то переоформлял билеты. Причём, ещё не была закончена регистрация, как по радиотрансляции сообщили, что рейс «В11 дополнительный», вылетел в Усть-Кут. В числе пассажиров, успокоенных диспетчером, который оформлявшим нам билеты, тем что «В11 дополнительный», всё-таки ещё не улетел, оказался и я.

Правда, одна работница аэропорта, сопровождавшая нас на лётное поле, сказала, что мы всё-таки опоздали на рейс, и ей с нами, поэтому не о чем разговаривать, но другая, которой она нас передала, успокоила, что посадка, на этот рейс, ещё даже не начиналась.

Мы метались вдоль решётки ограждающей взлётное поле, как звери, в одном её конце, получая кусок мяса, а в другом кнутом по спине.

Наконец я обратился к той девушке, что нас утешала:

- Ответьте, ради Бога, улетел ли «В11 дополнительный» или вы нас просто водите за нос? Ответьте, я вас умоляю!

Я готов был опуститься на колени, но рюкзак на одном плече и мешок с резиновой лодкой на другом, уткнулись в подмышки, как костыли, и моя фигура стала смахивать на нищего, стремящегося таким образом вызвать больше жалости к своей особе.

- Да, улетел, - ответила она, - но вы улетите на другом самолёте.

Сразу всё стало ясно, откуда-то свалившаяся усталость, была как будто от ощущения, что тебе удачно отрубив голову, пересадили её на обезглавленное тело загнанной лошади.

Мы уже не обращали внимания на выпады и резкости пассажиров, у которых «увели» из под носа их самолёт никакого внимания. Мы даже не обращали внимания на то, что они, зажав в руках синие посадочные талоны, готовы были бить нас «счастливых» обладателей розовых талонов.

Впрочем, нас «розовых» было не так уж много, и большая часть наиболее агрессивно настроенных пассажиров, прибыв к самолёту вместе с нами, стали нашими попутчиками, хотя никакого чуда и не произошло, так как их посадочные талоны отнюдь не порозовели.

В душе, каждый из нас розовых очень сожалел, что также не вышел к лётному полю и таким же образом не улетел, ещё несколько дней назад.

Как выяснилось, первая неудачная попытка вылететь в Киренск у нас не удалось потому, что наш самолёт был предоставлен бригаде московских поэтов во главе с поэтом Робертом Рождественским, отравлявшихся на «свои гастролы» в Ербогачён.

Мы искали правды и справедливости. Что касается правды, то «Правда» и Восточно-Сибирская правда» регулярно поставлялись в газетные киоски аэропорта. Что касается правды в обещаниях, то она давно в иркутском аэропорту стала синонимом пустозвонства, отметил я в дневнике в 2³⁰, 10 июля 1974 года, уже находясь на борту ИЛ-14, по пути в Усть-Кут.

В 3 часа 15 минут *приземлились в Усть-Куте, где капитана Мамонтова встретил его знакомый старший лейтенант, который отвёз нас в расположение своей части. Когда капитан Мамонтов рассказал ему о наших выступлениях против произвола руководства Иркутского аэропорта, старший лейтенант сравнил нас с декабристами, с которыми ещё не раз сведут счёты те, с которыми мы так долго боролись.*

Утром 11 июля 1974 года старший лейтенант отвёз нас обратно в аэропорт Усть-Кута.

В 5 часов 45 минут было объявлено, что есть два свободных места до Киренска, но пока мы шли к кассе, эти два билета уже были кем-то приобретены.

Из Усть-Кута я вылетел в 6¹³ и, только когда уже находился на борту АН-2, у меня нашлось время, чтобы продолжить записи в дневнике, о своих новых впечатлениях:

«В Усть-Куте я впервые, за шесть суток пути, спал на кровати. Городок так себе, в основном деревянный. Мне сказали, что это новый Усть-Кут, а старый поинтереснее. Здесь я с особым удовольствием распил со старым и новым знакомым вторую бутылку «Старого замка».

Утром, когда на аэровокзале начали шуметь пассажиры с детьми, чтобы их отправляли в первую очередь, и даже без очереди, мы с капитаном Мамонтовым, начали уверять всех, что мы тоже со справками, что платим по 33% (алиментов за двойни). И что же, даже эту явную чушь, некоторые восприняли всерьёз и то, что у нас тоже есть основание лететь в Киренск без очереди.

Все успокоились, когда работники аэропорта пообещали, что сегодня все обязательно смогут улететь в Киренск. Так и оказалось. Сначала отправили всех пассажиров с детьми, в числе которых улетел и капитан Мамонтов, а затем сразу на нескольких АН-2 подряд, в течение полутора часов, всех оставшихся пассажиров, около 40 человек.

При этом в 5 часов 45 минут несколько раз передавали по трансляции, что есть два свободных места до Киренска, из чего было легко понять, насколько Усть-Кут оказался человечнее Иркутска...

В 6 часов 50 минут я вспомнил, что когда в Усть-Куте, кто-то подходил к очереди в кассу и спрашивал, кто в ней последний на «Маму», почти все одновременно отвечали, как Иркутске:

- Здесь все на папу Киренск! – и смеялись, так что сначала, человек, который спрашивал, думал, что смеются над ним, а когда ему всё объясняли, уже сам же не мог сдерживать улыбки, когда появлялся кто-нибудь ещё, желающий, как и он добраться до «Мамы».

Биплан АН-2 летел так быстро, что нас неожиданно обогнал вертолёт МИ-4, но зато мы обогнали идущий вниз по Лене, тоже в Киренск, теплоход «Заря».

В Киренск я прилетел примерно в 7³⁰. Самолёт подрулил после посадки почти к выходу на лётное поле и когда я проходил сквозь калитку, в сторону киренского аэровокзала, меня окликнул стоящий у ограждения поля солдат:

- Извините, вы не товарищ Коханов?

- Да, - ответил недоумённо я.

- Меня послал за Вами капитан Мамонтов, чтобы я отвёз Вас в часть.

Мне, перед тем как нам расстаться в Усть-Куте, капитан Мамонтов, пообещал, что в Киренске мы обязательно встретимся, чему я тогда, честно говоря, не придавал особого значения.

Я сел в кабину, стоящего недалеко КРАЗа и меня отвезли в строительную часть, где в гостях у капитана Мамонтова, мне предстояло провести целый день.

Связано это было с тем, что когда я прилетел в Киренск, там уже моросил, а с 15⁰⁰ уже шёл сильный дождь.

12 июля 1974 года, купив билет на самолёт с помощью капитана Мамонтова, я в 6 часов 15 минут, вылетел из Киренска через Бур, Ику и Преображенку в Ерёму. Перед отлётом пришлось взять под свою ответственность двух мальчиков до Ерёмы, один из которых, якобы, также как я, летел к Юрьеву. Сначала я колебался, но они дали слово - «Честное Пионерское» и «Честное Ленинское», что не врут, а такой клятве тогда было принято верить.

Понятно, что в Ерёме пришлось торопить события, и некогда было задерживаться даже на день. В результате, что было намечено, так и осталось в планах и пришлось ограничиться только поиском «коненкинской воронки», как четвёртого, вероятного места, падения «Тунгусского метеорита». Правда, ничего интересного, в тех местах, я так и не обнаружил.

На всю экспедицию ушло всего 15-ть неполных дней с 13-го по 28-ое июля 1974 года, и то, что удалось тогда сделать, это только благодаря Константину Юрьеву, который подбросил меня на своей моторной лодке до Усть-Чайки.

В Усть-Чайке, неоценимую помощь оказали охотники из Преображенки, которые дали мне там деревянную лодку, потому, что на моей резиновой надувной лодке, которую я привёз из Москвы, не только против течения, но даже по течению нельзя было плыть, при встречном ветре.

28 июля 1974 года в Усть-Чайке я вернул деревянную лодку хозяевам и поплыл дальше на своей резиновой лодке. После порога Евкит встретил Константина Юрьева, который плыл туда порыбачить со своими знакомыми. Было решено, что я поплыву дальше, а они на обратном пути, когда меня догонят, отвезут в Ерёму уже на этой моторной лодке. Так всё потом и было. Если бы меня тогда не подвезли, то в Ерёму я бы попал не раньше конца дня 29 июля 1974 года.

29 июля 1974 года, переночевав в доме Кости Юрьева, встал, около 5-ти часов утра. Сходил в ерёминский магазин, ассортимент в котором, за две недели моего отсутствия, только ухудшился.

Погода была облачная, но солнце не долго пряталась за тучи. Барометр на столе, который я подарил Косте Юрьеву, затаился, и его стрелка не думала ползти вверх. Завтра самолёт на Преображенку. Сегодня отдых.

Вечером ездили с Костей Юрьевым к Еланскому озеру на рыбалку. Никогда я не ловил рыбу на удочку так, чтобы вытаскивать из воды сразу по две. Удочка представляла собой обычную палку, на конец которой было привязано полтора метра лески с грузилом и двумя крючками на поводках. Когда леску рыба вела в одну сторону, не надо было делать подсечку, а как леска замирала на месте и ли даже слегка дёргалась в сторону, то нужно было подсекать, поэтому редко удавалось вытащить только одну рыбу. При этом, если я из воды вытаскивалось несколько раз подряд только по одной рыбе, то мне уже начинало казаться, что просто не клюёт.

За час мы с Костей Юрьевым поймали больше восьмилитрового ведра окуней, а когда ему надоело это занятие, он ещё умудрился поймать на блесну трёхкилограммовую щуку, которая сломала ему спиннинг.

Настроение сегодня испортило только то, что в этот день в Ерёме садился какой-то шальной самолёт, а я в это время собирал халцедоны на берегу Нижней Тунгуски. Вот не везёт, хотя кому как.

В Ерёме в этот день клубе был вечер отдыха – концерт, игры и танцы.

30 июля 1974 года всё в Ерёме складывалось, как будто благополучно. Купил билет до Преображенки, так как в селе Ерёма, только до неё и до Ербогачёна, они и продаются.

Костя Юрьев довёз меня на своём «автобусе», мотоцикле «Муравей», внутри его металлического крытого кузова, до ерёминского аэропорта, представляющего собой некошенный луг. До «лётного поля» я предпочёл уже идти пешком, так как внутри этого кузова, Костя вытряс у меня по ухабам всю душу, и она не сразу возвратилось в моё тело, как и моя способность, сообразить, какую я совершил глупость, согласившись на его предложение меня «подвезти».

Самолёт приземлился практически по расписанию, и я благополучно долетел до Преображенки, а там не долго уговаривал лётчика, взять меня с собою дальше. Вылетели в Непу, но там лётчики решили переночевать, на что я совсем не

рассчитывал, хотя меня и успокоили, что мы полетим дальше завтра около 4 часов утра.

И вот я сижу на берегу реки Непа, смотрю на спящие по ней мотолодки, и на сердце становится весело:

– Век живи - век учись!

Хорошо, что ещё в рюкзаке есть копчёная рыба, а то в магазине, как шаром покати, ни хлеба, ни печенья, одна тушёнка, которую решил не брать.

И всё-таки, сообщая с попутчиками, я даже напился какао с чаем.

Потом далеко за полночь, говорил со сторожем, 62-летним, живущим там старичком об окружающей природе и поэзии. Он оказался поэтом. Читал мне свои стихи, в которых местами очень тонко была подмечена местная жизнь. Михаил Иванович очень переживал свои неудачи. Из-за болезни (он страдал эпилепсией) ему часто приходилось менять места работы. Устраиваясь на новое место, он скрывал, что у него бывают припадки, так как его тогда бы туда не взяли, но после проявления симптомов болезни ему всегда советовали подать заявление по собственному желанию. И так почти в течение всей жизни.

31 июля 1974 года около четырёх, вылетел через Ику, Бур и Токму, «аэропорты», которых располагались приблизительно одинаково, на противоположных берегах реки, напротив этих сёл. Единственно, что отличало Токму от других сёл, это какое-то подобие набережной и большое, даже можно сказать очень, рядом с ним озеро, площадью где-то 0,8х1,0 километр.

Когда я приземлился в Киренске, то, как только вышел из самолёта в сообщении о прибытии нашего рейса, услышал, что товарищу Коханову, просьба подойти к диспетчеру по транзиту. Не понимая, зачем я мог понадобиться, подошёл к её окну, представился и спросил, что случилось.

- Ничего, - ответила, улыбаясь, диспетчер, - просто интересно было на вас посмотреть, потому что мы уже целую неделю объявляем, чтобы вы подошли к диспетчеру по транзиту.

Затем она передала мне записку от капитана Мамонтова, чтобы я ему обязательно позвонил, когда прилечу в Киренск. В записке был указан номер его телефона.

Поблагодарив диспетчера, я пошёл к телефонной будке, по пути встретил рыбака, которого встречал на Большой Ерёме. Он с сыном летел в «Маму». За порогом Бур он наловил всё-таки рыбы – целых четырнадцать штук, причём четырёх щук даже поймал его сын.

Проводив их на самолёт, я позвонил капитану Мамонтову и от него узнал, что он получил уведомление в получении его телеграммы начальником ГУ ГВФ, а также то, что он с первым транспортом приедет в аэропорт.

Улететь в этот день в Иркутск не удалось и поэтому вечером, я снова отправился в часть у капитана Мамонтова.

1 августа 1974 года проснулся в шестом часу. Узнал, через Мамонтова, что самолёт будет только во второй половине дня. Оставил после его ухода на работу записку, «что пошёл караулить самолёт», попрощался с его другом «москвичом», который также улетает сегодня, но только в Усть-Кут и не спеша, двинулся пешком по направлению к аэропорту.

Как только пришёл туда, сразу же попал на грузовой ИЛ-14. Бывает же такое на свете, чего не ждёшь – само сваливается на голову.

В Иркутске у транзитных касс была та же самая толчея. Весь день протолкался в очереди и почти со всеми «москвичами» перезнакомился.

С одним депутатом районного совета решил завтра идти к начальнику иркутского авиаотряда выбивать самолёт, так как улететь в этот день было нереально из-за того, что шли сплошным потоком пассажиры с детьми и с телеграммами.

В основном на похороны летели одни ханыги, так что не только я уже один предполагал, что не менее, чем $\frac{2}{3}$ из этих телеграмм, просто обыкновенная липа.

2 августа 1974 года, после кошмарно проведённой ночи, когда я стоял около багажного отделения, вместе с депутатом и составившим нам компанию переселенцем, к нам подошёл изрядно потасканный мужчина с испитым лицом, в котором угадывался метис, местного происхождения, который обратился к депутату с просьбой:

- Май фред, «дий» мне на два часа, Толю?

- А, спиннинг, спиннинг! – ответил депутат, – так тебе на тот автобус, - и он показал ему пальцем на «Икарус» интуриста.

- Дую в спиннинг! – повторили и мы с переселенцем, почти то же самое, что только что, сказал ему депутат.

- Да я, да мне..., - начал оправдываться метис.

- Так значит, ты говоришь по-русски, - как-будто выражая своё удивление, перебил его депутат, - давно бы так, и можешь забрать своего Толю, хоть на день.

Что был за Толя, мы конечно даже не могли предположить. Скорее всего, это был шофёр «газика» к которому депутат имел неосторожность прислониться и метис подумал, что Толя, который был водителем этой машины, его либо привёз сюда, либо приехал за ним.

Около девяти мы втроём пошли к начальнику авиаотряда. Аудиенция продолжалась около минуты. Депутат несвязно попытался, что-то объяснить.

- Ладно, - сказал начальник, - подождите меня тут, сейчас разберёмся, - и вышел. Больше мы его не видели. После начавшейся у начальника в кабинете «планёрки», к нам вышел его заместитель, который, не смотря, что я уже был с бородой, меня сразу узнал.

Он был «в восторге» и я тоже. Он сразу же пообещал всех отправить в течение дня, а меня лично даже международным рейсом.

- Если что, сразу же приходите ко мне, - повторил он свою любимую фразу.

Но всё равно после такого «обнадеживающего» заявления, мы опять осаждали окно диспетчера по транзиту. Депутат улетел первым, когда я подремывал в интервале между двумя задержанными рейсами, на первом же очередном рейсе.

Я и переселенец ещё около 4 часов осаждали злополучное окно и около 16 часов по московскому времени получили билеты. Нас пригласили на перрон, где-то около половины шестого вечера. Мы ликовали, но вылет задержали до 20³⁰.

Опять было бесцельное шатание по зданию иркутского аэровокзала и прилегающим к нему скверам, тревожная дремота и, наконец, нервная посадка на самолёт. В самолёте сразу же заснул, с неохотой выходил в Омске, на время его дозаправки топливом. И затем опять два часа спал уже до самой Москвы.

Летевшему со мной переселенцу с женой и дочерью, я предложил, перед тем, как отправляться за билетами на вокзал, и дожидаться там уже своего поезда, остановиться у меня дома, отдохнуть и привести себя в порядок. Уговаривать его не пришлось и эту, просто обманутую государством семью перспективами счастливой жизни в Сибири, на следующий день я проводил на родину, где им какой-то добрый человек, перед отъездом на новое местожительство, посоветовал на всякий случай забронировать, оставленную там квартиру.

«Очевидцы»

На оборотной стороне листка отрывного календаря (изд. Отто Кирхнер, СПб, от 2 (15) июня (среда) 1910 г.) была напечатана следующая заметка:

«В половине июня (по старому стилю) 1908 г. в Томске, около 8-ми часов утра, в нескольких саженях от полотна железной дороги, близ разъезда Филимоново, не

доезжая 11-ти верст до Канска, по рассказам, упал огромный метеорит. Падение его сопровождалось страшным гулом и оглушительным ударом, который будто бы был слышен на расстоянии более 40 верст. Пассажиры, подходившего во время падения метеорита к разъезду поезда были поражены необычайным гулом; поезд был остановлен машинистом, и публика хлынула к месту падения далёкого странника. Но осмотреть ей метеорит ближе не удалось, т. к. он был раскалён.

Впоследствии, когда он уже остыл, его осмотрели разные лица с разъезда и проезжавшие по дороге инженеры, и, вероятно, окапывали его. По рассказам этих лиц, метеорит почти весь врезался в землю - торчит лишь его верхушка; он представляет каменную массу беловатого цвета, достигающую величины, будто бы, 6 кубических сажен».

Эта заметка, - как отмечает Е.А.Кринов, - представляет собой начало статьи Адрианова, напечатанной в газете «Сибирская жизнь» от 29 июня 1908 г., № 135 (Томск). В ней, кроме самого факта падения огромного метеорита и неточного сообщения об остановке поезда, всё остальное является вымыслом. Тем не менее, как мы потом увидим, эта заметка сыграла важную роль в истории Тунгусского метеорита (Е.Л.Кринов «Тунгусский метеорит» М.-Л., 1949 г., стр.6)

Скорее всего, редакция календаря воспользовалась публикацией в газете «Голос Томска» (№143 от 3 июля 1908 года, стр.3), опубликованной там заметкой «Подробности падения болида»:

Один из пассажиров железнодорожного поезда, наблюдавший падение огромного метеора, упавшего неподалёку от Канска, сообщает нам следующие подробности, которые оставляем на ответственности очевидца:

«Падение метеора произошло в верстах 11 от Канска. Пассажиры бывшие в поезде, были поражены страшным, всё усиливающимся гулом. Внезапно показалась огромная огненная масса, окружённая светящейся атмосферой, сажен 30 в поперечнике, и упала с невероятным гулом, оглушив всех в поезде и разнёсшимся на десятки вёрст в округности, вблизи самого полотна. Поезд был остановлен, и пассажиры бросились к аэролиту, но подойти к нему не представлялось возможности: так велик был жар».

Проверяя, опубликованные Е.Л.Криновым сообщения из сибирских газет того времени, непосредственно по первоисточникам, я пришёл к выводу, что обобщающие сообщения о полёте и падении болида, опубликованы в основном в газетах «Красноярец» и «Голос Томска». Эти сообщения, как и некоторые другие, мной приводятся полностью, потому что опущённые Е.Л.Криновым некоторые детали, представляют не меньший интерес, чем само падение «Тунгусского метеорита».

«Красноярец» (№133 от 20 июня 1908 года, стр.2):

«Землетрясение. 17 июня, в 7 часов утра, в Каннском уезде, возле села Куруши-Попович» наблюдалось сильное колебание почвы. Затем около деревни «Ловать» раздалось два сильных взрыва, похожих на выстрелы большекалиберных орудий. Как потом, оказалось, взорвался упавший на землю большой величины аэролит».

«Красноярец» (№136 от 24 июня 1908 года, стр.2):

«В Красноярске в первых числах июня наблюдались чрезвычайно высокие облака в особенности 14 и 17 числа; они были окрашены в розовый цвет и виднелись очень поздно, что и указывает на высокое положение их в атмосфере; 14 числа их можно было видеть в 11½ часа вечера; но самые интересные были 17-го числа, когда нижние тёмные кучевые облака, в разорванном виде низко неслись на запад, окрашенные же в розоватый цвет, длинной полосой оставались неподвижными. Такое явление продлилось до половины первого ночи».

«Голос Томска» (№144 от 4 июля 1908 года, стр.3):

«Падение громадного метеорита вызывает вполне понятный интерес и, в силу этого, редакция решила командировать одного из своих сотрудников с целью осмотра камня на месте и подробного сообщения о его падении. Предварительно редакцией был сделан телеграфный запрос в город Канск, от которого как сообщали «очевидцы», падение болида произошло в 11 верстах.

Вчера была получена ответная телеграмма следующего содержания:

«Удар (гул) был порядочный. Падения камня не было.»

Таким образом, все «подробности» падения метеора нужно отнести к слишком яркой фантазии впечатлительных людей. Нет сомнения, что метеор упал и, сравнительно, где-то недалеко. Но его огромная масса, вес и прочие, подвержены сильному сомнению. Известно, что даже небольшие метеоры, проносящиеся вблизи от наблюдателя, производят значительный шум. Очевидцы падения могли быть невольно введены в заблуждение. Падение болида, наблюдаемое на ровной местности, производит впечатление необыкновенной близости явления.

Так падение болида, происшедшее около Томска несколько лет тому назад, наблюдалось в одном селении в верстах ста от города, и одни наблюдатели уверяли, что аэролит упал вблизи города, другие же, что вблизи села.

Весьма возможно, что, не смотря на величину огненного снопа, отбрасываемого наблюдавшимся аэролитом и страшный гул при его появлении, от него при падении могла остаться лишь незначительная часть.

В своё время было сделано много сообщений (между прочим, в журнале «Нива») о падении в одной из центральных губерний «громадного» метеора, падении, сопровождавшимся страшным гулом. В результате же падения этой «громады» оказался камень величиной немного более головы и несколько мелких осколков».

«Красноярец» (№136 от 24 июня 1908 года, стр.2):

«По губернии (от собственных корреспондентов).

С. Кежемское. 17-го, в здешнем районе замечено было необычайное атмосферическое явление. В 7 чае. 43 мин. утра пронёсся шум как бы от сильного ветра. Непосредственно за этим раздался страшный удар, сопровождаемый подземным толчком, от которого буквально сотряслись здания, причём получилось впечатление, как будто бы по зданию был сделан сильный удар каким-нибудь огромным бревном или тяжелым камнем. За первым ударом последовал второй, такой же силы и третий. Затем - промежуток времени между первым и третьим ударами сопровождался необыкновенным подземным гулом, похожим на звук от рельс, по которым будто бы проходил одновременно десяток поездов. А потом в течение 5 - 6 минут происходила точь в точь артиллерийская стрельба: последовало около 50 - 60 ударов через короткие и почти одинаковые промежутки времени. Постепенно удары становились к концу слабее. Через 1½ - 2-минутный перерыв после окончания сплошной «пальбы» раздалось ещё один за другим шесть ударов наподобие отдалённых пушечных выстрелов, но всё же отчетливо слышных и ощущаемых сотрясением земли.

Небо на первый взгляд было совершенно чисто. Ни ветра, ни облаков не было. Но при внимательном наблюдении, на севере, т.е. там, где, казалось, раздавались удары, - на горизонте явно замечалось нечто, похожее на облако пепельного вида, которое, постепенно уменьшаясь, делалось более прозрачным и к 2 - 3 часам дня совершенно исчезло.

Это же явление по полученным сведениям наблюдалось и в окрестных селениях Ангары на расстоянии 300 верст (вниз и вверх) с одинаковой силой. Были случаи, что от сотрясения домов разбивались стекла в створчатых рамах. Насколько были сильны первые удары, можно судить по тому, что в некоторых случаях падали с ног лошади и люди.

Как рассказывают очевидцы, перед тем, как начали раздаваться первые удары, небо прорезало с юга на север со склонностью к северо-востоку какое-то небесное тело огненного вида, но за быстротой (а главное - неожиданностью) полета ни величину, ни форму его усмотреть не могли. Но зато многие в разных селениях отлично видели, что с прикосновением летевшего предмета к горизонту, в том месте, где впоследствии было замечено указываемое выше, своеобразное облако, но гораздо ниже расположения последнего - на уровне лесных вершин как бы вспыхнуло огромное пламя, раздвоившее собою небо. Сияние было так сильно, что отражалась в комнатах, окна которых обращены к северу, что и наблюдали, между прочим, сторожа волостного правления. Сияние продолжалось, по-видимому, не менее минуты, так как его заметили многие бывшие на пашнях крестьяне. Как только «пламя» исчезло, сейчас же раздались удары.

При зловещей тишине в воздухе чувствовалось, что в природе происходит какое-то необычайное явление. На расположенном против села острове лошади и коровы начали кричать и бегать из края в край. Получилось впечатление, что вот-вот земля разверзнется и все провалится в бездну. Раздавались откуда-то страшные удары, сотрясая воздух, и невидимость источника внушала какой-то суеверный страх. Буквально брала оторопь.

Не обошлось без курьёзов. Два крестьянина были на мельнице в 22 верстах от села и в момент первого удара несли мешки с мукою, и оба упали. Когда же поднялись и, охая, прослушали всю «канонаду», то решили, что «Кежму разбил японец»:

- Ну, пойдём паря по «матёрой» (противоположный берег реки от села) и «буче» (если) встретим, как японец на пароходе побежит, то убежим в лес, а не встретим - то с «матёрой» поглядим: буче церква цела, то пойдём в деревню, а «развончена» – так воротимся и «упловём» на заимку, - так докладывал один из этих крестьян.

А вот второй случай: крестьянин сидит в избе и со страхом слушает неведомые ему звуки («то ли гром, то ли стреляют»). Выбегает из соседней избы брат и кричит в окно сидевшему:

- Ванька, что сидишь? Не слышишь, что японцы деревню разбивают!

Сидевший вскакивает и начинает метаться по избе, как ужаленный, а затем кричит бабе:

- Лезь в подполье, там где-то есть «десятка», - а то достанется японцам.

Вообще везде, при первых ударах вспоминался всем японец: очевидно, дорого он достался Матушке Руси и Сибири – в особенности. В заключение, напуганные старушки обошли село, собрали «малую толику» и попросили батюшку отслужить молебен».

«Сибирская Заря» (№171 от 25 июля 1908 года):

«Необычайное явление в селе Нижне-Илимске (письмо очевидца).

Население Нижне-Илимска и окрестных деревень встревожено сегодня 17 июня необычным явлением. В 7 ч. 20 м. утра над Нижне-Илимском, при очень хорошем состоянии погоды (небо кой-где было подёрнуто облачками), послышался из ряда вон выходящий шум, по мере приближения перешедший в раскаты грома. За раскатами по всей округе раздался сильный удар, вызвавший в населении чуть не панику. Я спал. Когда послышались раскаты грома я проснулся и в момент удара чувствовал, как мой дом заколебался, в кухне загремела посуда и стул, стоящий плотно около стены, отодвинуло на вершок к середине, прислуга девица, стоящая случайно на лавке, от сотрясения было упала.

Наскоро одевшись, выбегаю на улицу, на лицах работающих на колокольне мужиков читаю большую тревогу, кой-где население забралось на крыши домов и смотрит в ту сторону, где раздался удар.

Подходит ко мне один из интеллигентов Нижне-Илимска и не без страха объясняет происшедшее:

- Наверно, вблизи прорвался вулкан. Одно нужно – бежать отсюда...

Подходит подрядчик по постройке колокольни, бывший в момент удара на колокольне и сообщает, что видел, как перед появлением раскатов грома над землёй стремительно пронеслось какое-то огненное тело на подобии бревна и скрылось, тотчас раздался удар.

Тоже сообщил дорогой мужичок, видевший это с подрядчиком. Едет верхом на коне парень и сообщает, что он тоже видел какое-то огненное тело, видел как в том месте, где оно упало, появился сначала огонь, а потом раздался удар, вместо огня появился дым...

Отец мой и два брата были в верстах 6 от Нижне-Илимска на рыбалке и отчётливо слышали – как перед сильным ударом были два громовых удара, не таких сильных, а после удара – менее сильных ударов было слышно очень много до 100 и в разных местах по трём направлениям. Один из братьев бывших на войне, сравнивал происшедшее с тем моментом, когда открывается пальба неприятелей, и гремят большие военные орудия.

Огненное тело видел ещё один подъехавший к ним из деревни за 7 вёрст мужичок. Тело пронеслось с юга на северо-запад, и все видевшие его единогласно это подтверждают, точно указывая направление.

Что за явление – пока никто и ни чем объяснить не может. Постараюсь насколько возможно, собрать сведения и в своё время поделюсь.

Благочинный священник Николай Пономарёв.

«Голос Томска» (№166 от 1 августа 1908 года, стр.3):

«Необычайное явление в селе Нижне-Илимском.

Странное явление, наблюдавшееся в Канске и некоторых его окрестностях принято даже за землетрясение, очевидно, принадлежит к разряду тех, о которых сказать, что-либо определённое без тщательного исследования трудно.

Новыми данными устанавливается, что хотя сотрясения почвы и происходило, но о землетрясении не может быть речи.

Остаёмся при прежнем предположении, что это был метеор громаднейших размеров, пронёсшийся с огромной скоростью на протяжении нескольких сот вёрст очень невысоко над землёю и вызвавший страшное колебание и сотрясение воздуха и – как отражательное явление – почвы.

В Нижне-Илимском, селе, находящемся от Канска более чем 200 верстах, явление наблюдалось с ещё большей интенсивностью. Даём место рассказу самого очевидца, помещённому в газете «Сибирская Заря».

Далее приводится текст из этой газеты, приведённый выше, со следами редакторской правки или корректурных пропусков, без указания, кем является очевидец Н.Пономарёв.

Хочу отметить, что и мне довелось поговорить с очевидцем падения Тунгусского метеорита, когда я с 28-го по 30 июля 1973 года, находился в Ерёме, остановившись в доме начальника почты Константина Юрьева, и ждал, со дня на день, что будет самолёт на Преображенку.

В то время меня и навестил Василий Семёнович Фарков, который рассказал, где и с кем он наблюдал за полётом этого небесного тела:

« - Мне тогда было девять лет. Я стоял с дядей на берегу реки, а «метеорит» пролетел высоко в небе, по правую руку и скрылся за горизонтом».

Я поинтересовался, где конкретно стоял Фарков со своим дядей и то, что он мне сказал, меня поразило не меньше того, что он был очевидцем полёта Тунгусского метеорита:

« - Деревня наша тогда стояла за хребтиком...»

- За каким хребтиком? – попробовал уточнить я.

« - За такими двумя небольшими горками, которые смыла река лет 50 назад», - ответил он.

Затем он уточнил, что на их месте теперь песчаный пляж, который начинается сразу за обрывом размытого берега, на котором расположено село Ерёма.

Я понял, что конфигурацию берега, на котором стоял в 1908 году Василий Иванович, он точно не припомнит, так что траекторию полёта метеорита, на основании его воспоминаний представить можно было какой угодно. Точно было только одно, что «метеорит» пролетел над Ерёмой через Нижнюю Тунгуску.

После разговора с В.С.Фарковым я понял, что все произведённые опросы местных жителей, с указанием рукой куда летел «метеорит», без точного указания подробностей, где в это время находился очевидец, не представляют никакой ценности. Чертить, на основании таких опросов, траекторию полёта «небесного тела», это снова уподобиться Ф.Зигелю, и доказывать, какой оно совершило манёвр.

Хотелось бы вообще поговорить о психологии показаний или рассказов очевидцев, на основании своих же воспоминаний, приведённых в этой книге.

Остановлюсь пока на описании эпизода «Декабристы», приведённого выше, где рассказывается о событиях 1974 года, которые имели место в Иркутском аэропорту. Первоначально этот эпизод мной был написан исключительно по памяти, и казалось, что столько раз я его пересказывал в течение почти 30 лет, то решил даже не заглядывать в дневник, чтобы уточнять какие-либо детали. Приведу эти «воспоминания полностью», давая попутно комментарий, как всё было на самом деле, под названием «Декабристы – версия событий».

«Декабристы – версия событий»

« 1974 год. Иркутский аэровокзал. Третий день нет никакой возможности попасть в Киренск. Кажется уже человек пятьдесят в том же положении, что и я. На транзитные рейсы в Бодайбо через Киренск, тоже нет никакой надежды. Неудивительно, что все желающие вылететь в Киренск, уже хорошо знают друг друга в лицо.

Все с надеждой смотрят на служащую аэропорта, сидящую на возвышение в справочной, равнодушную к нашим вопросам беременную женщину с меланхолическим выражением лица и блуждающим поверх нас взглядом.

Из репродуктора доносится обнадёживающее своим началом сообщение:

- Пассажирам желающим вылететь на «Маму» просьба подойти ...

Дальнейшее нас не интересует и больше не воспринимается на слух.

Но сообщение повторяется снова в разных вариациях ещё несколько раз и после того, как, наконец, из репродуктора прозвучало, - «кто на «Маму»..., из толпы, обступившую стойку справочной о полётах, донеслось, - «здесь все на папу Киренск!»

Острота была оценена дружным хохотом, но диспетчер даже не повела бровью и по-прежнему парила в своих, далёких от наших проблем, мечтах.

Что же касается нас, то теперь уже, занимая место в очереди, каждый обращался к ней с одним и тем же вопросом, – кто последний на «Папу»?

Чтобы вылететь из Киренска, нужно было добиваться только спецрейса и наибольшую активность в этом вопросе, кроме меня стали проявлять также один гражданин со значком депутата местного совета и капитан, как выяснилось потом – начальник воинской строительной части, расквартированной в городе Киренске.

Когда мы, объединив свои усилия, в составе депутации, включавшей в себя ещё несколько присоединившихся к нам пассажиров, пошли к начальнику отдела перевозок, то разговор с ним закончился, как и следовало ожидать, ни чем.

Вернувшись в зал ожидания, я предложил депутату и капитану за бутылкой вина, отмечу, что не единственной в моём рюкзаке, обсудить создавшееся положение.

Когда бутылка была распита, мы решили написать, от лица нас троих, заявление о необходимости выделения спецрейса до Киренска, так как желающих туда вылететь, набралось уже на два самолёта ИЛ-14, и проблему только одними транзитными самолётами, тут уже никак не решить.

Заявление было быстро составлено и мы, уже втроём, отправились с ним к начальнику аэропорта. Нас принял один из его заместителей, но дать не только письменный аргументированный отказ, но даже расписаться на копии заявления он отказался.

В таком случае, - предупредили мы его, - нам остаётся только обратиться с жалобой на работу аэропорта в Министерство гражданской авиации, которую отправим туда сейчас же с помощью телеграфа.

По пути к телеграфу, мы услышали, что началась регистрация на спецрейс до Ербогачёна с промежуточной посадкой в Киренске. Мы бросились обратно в зал ожидания, а так как окно, в котором производится регистрация, в радиосообщении было не указано, то я обратился к женщине в справочной, сохраняющей по-прежнему задумчивое выражение лица, с вопросом, где производится регистрация билетов и есть ли на спецрейс до Ербогачёна свободные места.

Женщина в справочной даже не соизволила посмотреть в мою сторону, несмотря на то, что я повторил вопрос несколько раз и примерно, раз пять, то же самое хотели выяснить у неё и другие пассажиры. Для неё нас словно не существовало и когда из репродуктора донеслось, что регистрация билетов на спецрейс до Ербогачёна закончена и объявляется посадка, с последующим пожеланием пассажирам «счастливого пути», я протянул руку почти к самому лицу женщине, сидящей в справочной, и потребовал жалобную книгу.

Женщина опустила руку, поддерживающую её подбородок вниз и, найдя, где-то там, в глубине стола «книгу жалоб» с тем же равнодушным видом, вложила её в мою руку. Спасибо, - что не пришлось двадцать раз повторять, - сказал я и отправился к дивану, на котором сидели депутат с капитаном, обсуждая наше безнадежное положение.

Увидев, что у меня в руке «жалобная книга», капитан поинтересовался, зачем я её взял, когда каждому известно, что всё равно подобные книги, никто никогда не читает.

- Зря вы так говорите, - не согласился с ним я, - возьмём, к примеру, Антона Палыча Чехова, который обессмертил это бюрократическое творение, как шедевр российской культуры. – Конечно, мне до Антона Палыча далёко, и время сейчас другое, но люди те же, как и тогда и даже ещё чаще становятся писателями по неволе.

Капитан махнул на мои слова рукой и продолжил разговор с депутатом, делаясь с ним последними киренскими новостями.

Когда я открыл «Книгу жалоб» то увидел, что она заполнена всего на половину первой страницы с благодарностями за проявленную чуткость к двум пассажирам работниками аэропорта. За что их благодарили, было непонятно и складывалось впечатление, что записи сделаны самими же работниками аэропорта.

Так что развернуться в своём изъяснении нахлынувших на меня чувств, места было более чем достаточно.

Я начал писать жалобу, как начинают или заканчивают свои выступления в прессе или на праздничных митингах ответственные работники партийных и советских органов:

«И вот когда наша страна находится в преддверии построения коммунистического общества и нигде в мире так не ценится честь и достоинство отдельного человека... в Иркутской области, в частности в его аэропорту, не только каждый отдельный человек, но и весь народ воспринимается, как какой-то неодушевлённый предмет.

Отношение к пассажирам в Иркутском аэропорту, даже хуже чем к назойливым мухам, от которых работники аэропорта хотя бы отмахиваются. Пассажиры просто стараются не замечать, хотя там почти на всех стенах развешены «нормы коммунистической морали и заповеди строителей коммунизма»...

Продолжая в том же духе, почти на четырёх страницах, я закончил свою жалобу словами:

...Я всё могу понять, и то, что аэропорт перегружен, в связи с летними отпусками, и то, что не хватает самолетов, и то, что рейсы задерживаются ввиду нелётной погоды...

Но это всё-таки не даёт никакого права работникам аэропорта относиться к людям хуже, чем к животным, даже отказываясь отвечать на их вопросы, будут или нет свободные места, на тот или другой рейс.

И когда эти люди называют себя коммунистами, то хочется спросить, кто рекомендовал этих людей в партию и на руководящие должности, не такие же ли, как они коммунисты? Не хотелось бы в это верить!

Поставив под своей жалобой время, дату и размашистую подпись, я под ней указал свой домашний адрес, полностью фамилию, имя, отчество и так же то, что являюсь беспартийным, но имеющим коммунистическое мировоззрение.

Закончив этими словами своё идеологическое эссе, я протянул книгу жалоб капитану и тот, читая его, сначала приподнял козырёк своей фуражки, а затем и вовсе снял её, насколько оно его взволновало.

Затем он передал «Книгу жалоб» депутату и тот, не выражая на лице никаких эмоций, прочитав мои записи, сказал, что написано, как надо.

Я предложил капитану с депутатом, написать, что их тоже больше возмущает отношение служащих аэропорта к людям, чем отсутствие свободных мест на все рейсы до Киренска.

Капитан с депутатом исповедовались в том же духе, и не менее, чем на странице каждый, так что это привлекло внимание и других пассажиров, которые, поняв в чём дело, тоже решили попробовать свои силы в эпистолярном жанре на интересующую их тему. Некоторые спрашивали, как им лучше написать, на что я отвечал, что желательнее без мата, но понятным языком, что вы всё-таки люди.

Часа через полтора жалобная книга закончилась, но остались желающие ещё что-то в неё написать.

И тогда я взяв эту уже заполненную до конца «Книгу жалоб» отправился к справочной и протягивая книгу сидящей в ней женщине, попросил её дать мне другую жалобную книгу. И тут я впервые от неё услышал, правда, вместо ответа, вопрос:

- А этой, что вам мало?

- Эта, - сказал я, делая небольшую паузу, - уже закончилась!

Женщина растерялась, достала другую «Книгу жалоб», передала её мне, а с той, которую она получила от меня, не спеша, отправилась к своему начальству.

Я отдал новую «Книгу жалоб» ещё не успевшим излить свои чувства гражданам и затем в компании депутата и капитана вышел на прилегающую к аэропорту площадь подышать свежим воздухом. Площадь была не особенно многолюдной,

привлекала внимание группа за ограждением аэропорта пёстро одетых иностранцев, которым явно хотелось посмотреть на город поближе, но их туда не пускали. Только мы встали рядом с газиком, и не успел депутат к нему прислониться, как сразу же к нему подошёл неопределённой национальности развязной походкой молодой мужчина, и фамильярно жестикулируя, произнёс, коверкая английские слова:

- Май фред! Плиз, тейк ми, ту... (*мой друг, пожалуйста, отвезите меня в ...*)

Надо отдать должное депутату, который не растерялся от такой наглости и, не дав ему договорить, сразу же ответил:

- Да, да! Дую в спиннинг! Гоу элонг зис стрит! (*идите по этой улице*) – и жестом показал в сторону иностранцев.

- Да я..., - начал оправдываться, сразу стушевавшийся мужчина, но депутат не дал ему договорить, чтобы тот от нас, наконец, отстал

- А ты, оказывается, по-русски говорить умеешь, так что знай, что к этой машине я не имею никакого отношения.

- Ладно, - сказал капитан, - пора возвращаться, к тому же там что-то объявляют по радио.

Мы снова вошли в здание аэровокзала, и я сразу же услышал из репродуктора свою фамилию и приглашение зайти в кабинет начальника аэропорта.

Я предложил пойти на переговоры опять втроём. Возражений не было, но вместо начальника аэропорта с нами опять начал разговаривать тот же его заместитель, к которому мы уже обращались и мало того, чтобы хотя бы извиниться, он ещё начал угрожать капитану, что сообщит о его недостойном поведении куда следует и неприятностей он не оберётся.

Когда я потребовал объяснить, почему на спецрейс до Ербогачёна нам даже не сказали, где производится регистрация пассажиров, то нам было заявлено, что вне очереди все места были предоставлены бригаде московских поэтов во главе с Робертом Рождественским, а почему, этот вопрос обсуждению не подлежит, так как поступило указание сверху.

Я посмотрел вверх, на висевший над нами портрет Л.Н.Брежнева и уточнил, кивая на портрет, - наверно непосредственно от него самого.

Потом посмотрел на покрывшееся багровыми пятнами лицо заместителя начальника аэропорта и сказал:

- Хватит разговаривать с этим хамом, - сказал я капитану с депутатом, и предложил, как мы уже ему обещали, при первой встрече, всё-таки отправить жалобу по телеграфу.

Когда мы шли к телеграфу, капитан объяснил мне, что из этой казалось бы, сложившейся безвыходной ситуации, всё-таки есть выход. И предложил не ждать рейс на Киренск, а вылететь из Иркутска в любой населённый пункт, первым же самолётом, при наличии у него свободных мест.

Я здесь в Иркутске обыкновенное говно, а почти в любом другом населённом пункте Иркутской области, всё-таки что-то, да значу. Так что вылететь оттуда у нас не будет никаких проблем. Я сказал ему, что не против, составить ему компанию, был бы только подходящий нам рейс.

Следует отметить, что я отправил телеграмму в Министерство гражданской авиации только за своей подписью, понимая, что капитан имел бы уже точно большие неприятности по месту службы, если бы также поставил под ней свою подпись.

Телеграмма получилось длинной, и главное в ней было написано в конце:

«...нет, чтобы руководству Иркутского аэропорта навести элементарный порядок при обслуживании пассажиров, оно только способно провоцировать скандалы».

Тем временем вторая жалобная книга уже была заполнена наполовину и мало того, количество желающих оставить в ней свой автограф даже возросло.

Не успели мы занять свои, забронированные нашими вещами места на диване, как из репродуктора донеслось, что объявляется регистрация билетов на спецрейс до Усть-Кута. Понятно, что все мы бросились к указанной стойке, где производилась регистрация билетов, и вскоре стали счастливыми обладателями посадочных талонов. А, «жалобная книга» так и осталась валяться на диване, с чьей-то незаконченной жалобой и надеждой на справедливость.

Капитан, купивший билет раньше меня, куда-то исчез, но я не очень расстроился, понимая, что и без его помощи смогу добраться до Киренска на теплоходе «Заря». При посадке на ИЛ-14, я снова встретился с капитаном. Оказывается, он бегал звонить по телефону своему товарищу в Усть-Куте, который также как и он в Киренске, командовал там строительной частью, чтобы тот организовал ему встречу.

Как мы только мы приземлились в аэропорту Усть-Кута, расположенном на вершине плоской горы, в нескольких километрах от города, к самолёту подъехал с крытым брезентовым кузовом КРАЗ, из которого выпрыгнули трое солдат, а из кабины вышел старший лейтенант, по виду которого было легко понять, что он обрадован этой неожиданной встрече.

Старший лейтенант распорядился погрузить наши вещи, и хотя я, не без сопротивления отдал свой рюкзак одному из солдат, объясняя всем, что всё-таки не являюсь английским путешественником конца девятнадцатого века, и должен обслуживать себя сам.

- Ничего, - сказал капитан, - ты ещё натаскаешься с рюкзаком по тайге, а ребята ничего, они не надорвутся, да и по виду они покрепче тебя.

Старший лейтенант отправил водителя в кузов, и мы с капитаном забрались в кабину. Машина покатила вниз с горы по крутому склону, и я не особенно рассматривая достопримечательности, даже немного вздремнул, перед тем как мы въехали на территорию воинской части.

Когда в комнату старшего лейтенанта принесли наши с капитаном вещи, я достал из рюкзака бутылку вина и предложил отметить радостное событие, что мы наконец-то покинули Иркутск.

После вина перешли на водку, и капитана повело, словно его попросили выступить с трибуны:

- Как мы там аэропортовскому начальству начистили рожу! Надолго запомнят сволочи, как не нужно разговаривать с людьми...

Я тоже поддакнул заплетающимся языком, - что ещё не всё закончено и ещё неизвестно как отреагируют в Москве на мою телеграмму...

Старший лейтенант оказался мужиком покрепче, сравнил нас с декабристами, и тем самым, намекнул капитану, чем закончилось их выступление, и как бы не им, а не ему после надрали задницу.

И что это всегда так, чем выше звание, тем человек подлее, - всё ещё не в состоянии успокоиться, продолжал спорить с ним, раскипавшийся капитан, - вот, например...

Старший лейтенант перебил его словами, чтобы он не равнял всех под одну гребёнку и рассказал, как он недавно летал в Иркутск, и его соседом оказался полковник авиации:

- Ну что, коллега, - обратился к нему полковник, - намекая на то, что у старшего лейтенанта тоже на погонах три звезды, - давай пойдём с тобой в хвост, и уговорим мою бутылку коньяка. Если даже самолёт упадёт, как правило, хвост его остаётся целым и у нас будет шанс остаться живыми.

Чувствуя, что я боюсь нарушить субординацию, полковник, похлопывая меня по погону, сказал мне, что как только мы выпьем по стакану коньяка, ему мои погоны сразу покажутся полковничьими, а его мне генеральскими.

- Ведь я тоже когда-то был лейтенантом, а недавно, - и он, наклонившись к моему уху, со смехом добавил, - недавно даже с маршалом пил.

В общем, неплохо провели время, а главное, что он мне сказал после посадки, на прощанье:

- Может, ещё встретимся, я буду всё тот же полковник, а ты уже генерал!

Поболтав ещё с полчаса, мы все отправились спать. Рано утром на том же КрАЗе мы отправились аэропорт. Как и говорил капитан, первым же рейсом мы вылетели в Киренск. В Киренске нас уже поджидал КрАЗ с солдатами из части капитана, и он, узнав, когда будет ближайший рейс до Ербогачёна с посадкой в Ерёме, забронировал для меня билет.

- Можешь не волноваться Константин, будет тебе билет, - заверил меня он, - а пока погостишь у меня в части.

Действительно через день меня привезли на машине в киренский аэропорт, и я благополучно на почтовом АН-2, с посадками в Ике, Буре, Непе и Преображенке, долетел до Ерёмы.

Правда, времени на большое путешествие у меня уже не было, хотя и подбросил меня Костя Юрьев на своей моторной лодке, на целых 80 километров вверх по Большой Ерёме, до самой Усть-Чайки.

Пришлось ограничиться изучением «коненкинской воронки», точнее провала, который если действительно я к нему вышел, особого впечатления на меня не произвёл.

Вылететь обратно из Ерёмы в Преображенку, тоже пришлось не сразу, да и в Преображенке тоже пришлось ждать. Перспектива ещё задержаться в Киренске, начинала уже пугать возможностью опоздать с выходом на работу.

Подлетая к Киренску, я уже стал подумывать, где мне придётся ночевать – ехать же к капитану, хотя он и приглашал обязательно на обратном пути с ним повидаться, было как-то неудобно.

Но не успел самолёт приземлиться, как я услышал из репродуктора сообщение:

«Прибывшему рейсом из Ербогачёна товарищу Коханову, просьба подойти к диспетчеру по транзиту».

Пока я шёл к зданию аэровокзала, это сообщение повторили ещё несколько раз. Подойдя к диспетчеру по транзиту, я спросил у девушки, зачем меня попросили к ней подойти.

- Да, просто мне было интересно на вас посмотреть, - улыбаясь, ответила девушка, - мы вашу фамилию после посадки каждого самолёта целую неделю уже объявляем.

- А, что случилось? – поинтересовался я, думая, что этот интерес вызван посланной мной телеграммой в Москву.

- Да, ничего особенного, просто нас просили передать, что вас ждёт около аэропорта машина.

Я вышел на небольшую площадь перед аэровокзалом и увидел КрАЗ со стоящим около него солдатом и сразу догадался, что его отправил за мной капитан.

Так что «декабристам» предстояла новая встреча, пока ещё на свободе.

Не знаю, как сложилась дальнейшая судьба капитана, а у меня была ещё Манежная площадь, на которую я вышел, как в песне в «назначенный час», вместе с другими, поверившими в торжество демократии, не зная ещё, что уже на Москву двинуты части, направленные ГКЧП для подавления антиправительственных выступлений.

И как в 1825 году на площадь не вышли главные вдохновители борьбы за демократию, сославшись на то, что им не предоставили автобус с громкоговорителями и поэтому они выступают перед вышедшими на площадь людьми из какого-то окна гостиницы «Москва», хотя это могла быть и просто магнитофонная запись их выступлений.

Декабристу Гавриилу Степановичу Батенькову, потом всю жизнь было стыдно, что он тогда смалодушничал, хотя и отсидел больше других всех декабристов, почти 20 лет в одиночной камере Петропавловской крепости, пока его не отправили на поселение в Сибирь.

Его тезка Гавриил Харитонович Попов, не вышедший в тот «назначенный час» на Манежную площадь, ни в чём не раскаивается, и возможно даже считает себя героем, хотя у современников ещё достаточно времени, чтобы оценить по достоинству его «тёмную личность».

Читатель наверно уже обратил внимание, насколько память может изменить человеку. Всё рассказанное по памяти в этом эпизоде из моей жизни действительно происходило, но, к сожалению, наиболее точно я передал второстепенные детали, связанные больше с эмоциями, чем с конкретными фактами. Рассказ о жалобной книге, переговорах с руководством Иркутского аэропорта, встреча в Усть-Куте, разговор с диспетчером по транзиту, «в воспоминаниях» даже полнее отражены, чем в самом дневнике. В тоже время в хронологическом плане, многое было совсем не так, не в том в порядке и самое главное, даже часто не в том составе самих действующих лиц.

Самое главное, что события в начале путешествия, которые происходили в Иркутском аэропорту, слились с событиями там же, но только в конце путешествия, при возвращении в Москву.

Таким образом, в компании депутата и капитана Мамонтова, я никуда не ходил. Капитан вообще не общался с депутатом и поэтому пить одновременно со мной и с ним вино не мог.

Капитан Мамонтов, не смотря на угрозу руководства аэропорта, всё-таки отправил телеграмму с жалобой в ГУ ГВФ, но в памяти у меня сохранилась только угроза, и соответственно я подумал, что он не решился отправлять телеграмму.

Депутат, которому отведено много места, в «воспоминаниях» вообще никуда жалоб не писал, да и встретился я с ним, только в конце путешествия. Роль его в борьбе за справедливость, в сущности, свелась к тому, что он улетел раньше меня, и только его острота со «спиннингом» сохранила его образ в памяти и дополнила его заурядную фигуру не присущими ему достоинствами. Но всё-таки, в обществе трёх человек я был, когда вместе с депутатом и переселенцем ходил к начальнику Иркутского авиаотряда, узнавать, когда мы всё-таки сможем улететь в Москву. О переселенце я забыл совсем, хотя после прибытия в Москву пригласил его с женой и дочерью, чтобы они у меня отдохнули и привели себя в порядок, и, что на следующий день провожал их на вокзал. Поступил я также, как и капитан Мамонтов по отношению ко мне – помог случайным попутчикам, чем только мог.

А теперь о том, что собственно интересного произошло в Иркутске. Когда я ехал в троллейбусе, то у него оторвалась контактная штанга и так сильно ударила по крыше, что мне показалось, что сверху обрушился пролёт моста. Пассажиры все даже вздрогнули от неожиданности. Они наверно все также бы вздрогнули, если бы мимо нас пролетело с рёвом «какое-нибудь огненное тело». И как я напрочь забыл о случае с контактной штангой, так бы и забыл «об огненном теле», если бы тогда прилетел в Иркутск с единственной целью побывать на Байкале и там порыбачить.

И если спустя минут двадцать где-нибудь в Иркутске раздался бы на каком-нибудь пустыре сильный взрыв, то я сомневаюсь, что через двадцать лет какой-нибудь следователь, произведя опрос горожан, мог определить по каким улицам, и в какое время, промчался мимо них горящий бензовоз. А потом задался бы вопросом, - откуда он, вообще, взялся в городе и где искать, упавшие в Ангару, его искорёженные части. И чтобы мог рассказать я, как очевидец, который даже не запомнил номера маршрута троллейбуса, на котором ехал по городу и по каким улицам, когда он сломался, дальше пошёл пешком.

«Возвращение домой»

Как правило, путешественники мало уделяют внимания в своих дневниках, в устных и опубликованных рассказах тому, какие они испытывали приключения, когда возвращались домой. Сборы в дорогу, и сам путь, настолько заслоняли своими впечатлениями все испытанные ими неудобства, связанные с возвращением, хотя бы потому, что они настолько ещё у нас обычны, что просто не могли вызвать особого интереса, так как редко кто не испытывал подобных неприятностей, даже после проведения отпуска на самом престижном курорте.

Получилось так, что в 1982 году я впервые изменил традиции возвращаться домой в обычном виде, как и подобает таёжному волку, с рюкзаком за плечами, в выцветшей от солнца штормовке и разбитых туристических ботинках и главное с бородой, в которой никак нельзя было заподозрить во мне, даже намёк на «интеллигентного» человека. Послушавшись жену, и главное понимая, что вместе с тремястами килограммами груза можно без труда разместиться, то, во что можно переодеться, возвращаясь назад, я упаковал эти вещи в один из больших ящиков со снаряжением своей «экспедиции». В спортивной сумке, наряду с бельём была положена новая финская куртка, спортивный шерстяной костюм и чешские туристические ботинки из белой кожи с красными замшевыми мысками и с такими же декоративными вставками по бокам, так что я вполне мог сойти в тех глухих местах за иностранного туриста.

Закончив своё путешествие на лодке с подвесным мотором, в верховья реки Левый Алтыб, в общей сложности проплыв более 1800 километров по пяти рекам, перед отлётом из Ерёмы, я сбрил бороду, переделался и благополучно, пересев с одного АН-1 на другой АН-2 в Преображенке, в конце того же дня, приземлился в Киренске.

От Киренского аэропорта ничего другого не пришлось ожидать, как отсутствия на неопределённое количество дней свободных мест на все рейсы, как в Усть-Кут, так и до Иркутска. Ничего другого не оставалось, как и неоднократно, в прошлые годы, ехать на автобусе в речной порт.

Перед тем как пойти в кассу за билетом, я решил по пути зайти в столовую и пообедать. Но как назло в Киренске был рыбный день, а в меню была отнюдь не осетрина. От обеда с деликатесами из хека, пришлось отказаться, чтобы окончательно не испортить себе настроение этой, по сути, имитацией еды.

Купив в кассе речного порта билет на утренний рейс водомётного теплохода «Заря», я отправился на дебаркадер, где на его верхней палубе располагался «зал ожидания».

Часть первая.

ДЕБАРКАДЕР

На нижней палубе дебаркадера был буфет и к моему удивлению он даже работал. Встав за каким-то товарищем в тельняшке в очередь, я, как только оказался с глазу

на глаз с буфетчицей, попросил продать мне буханку белого хлеба и хотя бы 50 грамм сливочного масла. Сахар и пачка чая у меня лежали в спортивной сумке, и я надеялся, что для ужина этого вполне достаточно.

К моему удивлению оказалось, что хлеб купить можно, а вот сливочное масло нельзя, так как оно продаётся только по «заборной книге» исключительно работникам речного порта. Я попросил буфетчицу войти в моё положение, и, забывая, во что теперь одет, по-простецки, проведя ладонью вдоль горла, показал, как мне за два месяца надоела здесь вся рыба, и как хотелось бы съесть бутерброд с маслом.

- Ну, продайте мне масло хотя бы в три раза дороже, - попросил затем я, - или даже в пять раз, а то как-бы до Усть-Кута не протянуть здесь ноги.

Буфетчица, окинув меня каким-то странным взглядом, в ответ на моё предложение, сказала, что буфет через час закрывается, и если к этому времени масло всё не разберут, она мне его продаст. Заранее поблагодарив эту добрую женщину, я поднялся на верхнюю палубу.

Чем мне нравился этот дебаркадер, так это тем, что там всегда было чисто, и даже был «титан» с кипячёной водой, но на этот раз я не увидел прикреплённой к нему на цепочке кружки.

Таких как я ожидающих «утреннюю Зарю» до Усть-Кута, в «зале ожидания» было уже человек десять. Деревянные лавочки, как в пригородных электричках образовывали своего рода купе, в одном из которых я и расположился, напротив очень колоритного «дедка», с аккуратной бородкой, в шляпе, внешне напоминающего Мичурина.

Затем, достав из сумки сахар и чай, поинтересовавшись у соседей, нет ли у кого-нибудь кружки, и узнав, что ни у кого нет, крепко, правда, мысленно, выругал себя за то, что всю свою «кухонную утварь» оставил в Ерёме.

При этом «дедок» только развёл руками, и вид остальных невольных постояльцев дебаркадера стал от моего вопроса, также уныл, как наверно со стороны и мой, особенно у тех, кто старался что-то проглотить из того, что плохо усваивалось всухомятку.

И тут меня осенило.

- Мужики, - сказал я двум уныло что-то жующим соседям по дивану, - а не сходить ли нам на берег Лены. Я видел там столько пустых «огнетушителей» (бутылок под шампанское ёмкостью 0,8 литра, с этикетками портвейна), так, что если их вымыть, то вполне они могут сойти и за стаканы.

Уговаривать соседей не пришлось, и даже «дедок» не удержался, крикнув нам в след, чтобы мы захватили бутылку и на его долю. Мы не прошли по берегу и десяти метров, как набрали 12 бутылок, и, прополоскав их внутренность с песком в воде, вернулись назад. Проходя мимо хозяйки дебаркадера, я попросил её включить «титан», чтобы мы смогли заварить в бутылках чай. Женщина рассмеялась, увидев наши «стаканы» и сказав буфетчице, - и чего эти мужики только не придумают, - поднялась с нами на верхнюю палубу.

В «зале ожидания» все сразу оживились. В бутылки кто насыпал сахарного песка, кто затолкал сахар, сверху насыпав чай из пачки, которую я предоставил в общее пользование. У кого не было сахара, я предложил взять из моей пачки.

После того как в «титане» закипела вода, и в моей бутылке заваривался чай, я вспомнил, что буфетчица обещала продать мне масло. Я спустился вниз и, хотя особенно не надеялся на чудо, но всё-таки купил масло, причём по той цене, сколько оно тогда стоило. Несмотря на то, что, протянув, пять рублей, я хотел отказаться от сдачи, буфетчица, попросила меня забрать её обратно. Пришлось, не считая рубли и мелочь, смахнуть сдачу в карман и ещё раз выразить ей свою благодарность.

Когда все уже мирно попивали из горлышек бутылок крепко заваренный чай, к нам на верхнюю палубу поднялась женщина с девочкой лет двенадцати. Окинув нашу компанию взглядом, она с округлившимися от ужаса глазами, схватила девочку за руку и, как мне показалось, с грохотом скатилась вниз по лестнице. Все переглянулись, пожали плечами и продолжили чаепитие.

Внизу тем временем послышался возмущённый голос, «скатившейся» вниз женщины.

- Вы говорили, что у вас там всё чисто и культурно, а там идёт самая настоящая пьянка. И вы меня с моей малолетней дочерью, отправили в это логово?

- Успокойтесь, - отвечала ей, чувствовалось, что смеясь, «хозяйка дебаркадера», - да они там пьют только чай!

- Какой чай! – продолжала кричать женщина.

- Да, чай, успокаивала женщину «хозяйка», - просто все кружки разворовали, как их тут только не привязывали. – Ну, если вы боитесь, пойдёмте, я вас туда сама провожу.

Показалась хозяйка дебаркадера, а за ней вся пунцовая женщина с девочкой, которую она крепко держала за руку.

И снова оглядевшись по сторонам, женщина, как бы оправдываясь перед всеми, начала объяснять, при этом кивая на «дедка», напоминающего дореволюционного интеллигента, весь охвативший её ужас:

- Ну, ладно, всякое бывает, ну где только не увидишь, что два-три человека выпивают где-нибудь в углу, а тут все и да же такой...

И тут она уже сама, давясь от смеха, кивнула на «дедка», всем своим видом напоминающего известного натуралиста Мичурина, продолжила:

- И он... из горла... да тут не только вниз сломя голову по лестнице нужно бежать, а в пору сразу в реку бросаться!

После этих слов вся верхняя палуба чуть не полегла от смеха на пол, и могло показаться, что даже сам дебаркадер, не выдержал и от смеха закачался, как от поднимающих метровые волны, проходящих мимо, больших судов.

Женщина с дочкой устроилась на диване, рядом с «дедкой», почти напротив меня, и кто-то, всё ещё еле сдерживая смех, предложил ей пустую бутылку от портвейна:

- Ну, что, так давайте с нами за компанию, - до утра, ох как ещё далеко...

Все потихоньку уже начали устраиваться на ночлег, как неожиданно на верхнюю палубу поднялись два милиционера.

Окинув всех блуждающим взглядом, они сразу направились ко мне и потребовали предъявить документы.

- Наверно я сильно пьян или похож на агента иностранной разведки? - поинтересовался я, протягивая им свой паспорт.

Милиционер молча пролистал паспорт, и, уточнив, откуда я, протянул мне его обратно.

- Аналогичный случай был с Владимиром Маяковским, когда, возвращаясь из Америки в Россию, он оказался в одном из южных городов, - сказал я, обращаясь к «дедку», но так, как-будто всё это рассказывается всем.

И, не обращая внимания, на ещё стоящих рядом милиционеров, я продолжил:

В ЧеКа, кто-то донёс, что ожидается появление в городе английского резидента. Так, что появление на улице известного поэта в ботинках на толстых подошвах с большим жёлтым чемоданом, обклеенного заморскими наклейками, не могло остаться незамеченным, и его сразу же арестовали. Когда местные товарищи его вызволили из тюрьмы, и Маяковский понял, что был арестован только за жёлтый чемодан, то он сразу же его выкинул, понимая, что с ним до Москвы, его ещё не

раз задержат и может случиться, что даже теми, кто никогда не интересовался пролетарской поэзией.

Все дружно засмеялись, в том числе и милиционеры, а я на всякий случай снял финскую куртку и убрал её в спортивную сумку советского производства. Засыпая, я повторил про себя первый закон путешественника – никогда ни чем не выделяйся, и к тебе ни кто, никогда, не пристанет!

Часть вторая

ВАГОН № 9

Хотя водомётный теплоход «Заря» говорят, рассчитан только на перевозку, вместе со стоячими пассажирами, 86-ти человек, его не зря называют речным трамваем или чаще автобусом и поэтому народу набилось, сколько в него смогло влезть.

Когда до порта «Осетрово» в Усть-Куте оставалось километров двадцать я стал пробираться поближе к выходу, чтобы одним из первых оказаться на берегу.

Речной вокзал «Осетрово» расположен практически напротив железнодорожного вокзала и зная, что не мало пассажиров «Зари» так же как я намереваются попасть на поезд «Лена-Москва», хорошо понимал, что желательно оказаться около билетной кассы одним из первых.

Поэтому, не успела «Заря» коснуться причала, как я уже оказался на берегу, и если бы не пришлось задержаться у светофора на оживлённой центральной улице города, то расстояние до железнодорожного вокзала, мной было бы преодолено, минут за пять.

Но всё равно около кассы я оказался первым из всех пассажиров с теплохода «Заря», которые тоже особенно не мешкали, быстро выстраиваясь, друг за другом, в очередь. Передо мной в кассу было всего несколько человек, и я быстро оказался, в прямом смысле, счастливым обладателем последнего билета.

Когда очередь осознала, что билетов больше нет, она недовольно загудела, как развороченный пчелиный улей. Мне оставалось только посочувствовать знакомым по киренскому дебаркадеру товарищам, и до отхода поезда постараться успеть купить в городе, хотя бы что-нибудь из продуктов в дорогу. Ехать до Москвы около семи суток, поэтому брать что-то из скоропортящихся продуктов не имело смысла, правда, в то время и в магазинах давно не пахло колбасой. Но сахар, чай и печенье я всё-таки купил и обогнув вокзал вышел на перрон к которому уже был подан поезд «Лена-Москва».

Получилось так, что я шёл вдоль состава с его конца, проталкиваясь среди идущих к своим вагонам озабоченных пассажиров. Проводники у каждого вагона проверяли билеты, и пассажиры, проталкивая впереди себя чемоданы, сумки и узлы, не спеша, проходили внутрь вагонов.

Увидев на вагоне №9 и стоящего не на перроне, а в тамбуре проводника, я поинтересовался, действительно ли это вагон №9, так как около него не было ни одного пассажира и было маловероятно, что они уже все смогли занять свои места.

Я поднялся в тамбур, показал проводнику билет, на котором к моему удивлению оказалось первое место, и прошёл в вагон. Перспектива сидеть все семь суток у входной двери подействовала на меня удручающе. Посидев, уныло глядя в окно около пяти минут, я решил поговорить с проводником о перспективе поменять своё место на другое, подальше от входной двери, в случае, если кто-то из пассажиров сойдёт в Братске или Красноярске.

До отхода поезда оставалось ещё минут пятнадцать, но в мой вагон ещё не поднялся ни один пассажир. Я не заметил, чтобы проводник скучал без дела и когда

обратился к нему со своей просьбой, он только поинтересовался, действительно ли я москвич. Оказалось, что он тоже из Москвы и живёт в Сокольниках. Узнав об этом, я рассказал ему, что раньше жил на Соколе и как часто мне в метро приходилось объяснять приезжим, что Сокольники – это на другом конце Москвы, а это станция Сокол.

- А, зачем тебе ждать Братска, - сказал мне проводник, - иди и занимай, какое сам захочешь место.

Разумеется, я не стал расспрашивать, чем вызвана подобная щедрость, так как уже отвык чему-либо удивляться.

В 1976 году, когда я имел неосторожность взять с собой в путешествие товарища по учёбе в техникуме, нам были проданы билеты до Иркутска на рейс ни как обычно из Домодедова, а из Шереметьева. В Шереметьево выяснилось, что рейс к тому же из международного аэропорта, до которого нужно ещё было ехать на автобусе. В аэропорту у стойки для регистрации пассажиров нас было всего трое взрослых пассажиров – Я с Володей Ерошичевым и женщина с ребёнком на руках. Так нас троих служащая аэропорта и повела к трапу самолёта.

Когда мы оказались в салоне самолёта, то у встретившего нас пилота, мы первым делом спросили какие нам занять места, так как на билете они не были указаны. Ответ был аналогичный, как и у проводника в моём вагоне – «занимайте, какие хотите, сейчас будем «демократов» загонять».

От стюардессы мы узнали, что это рейс Москва – Улан-Батор, а так загрузка самолёта «демократами», то есть рабочими из «стран народной демократии» Чехословакии, Венгрии и Румынии почему-то задерживалась, то она попросила нас немного потерпеть, зато потом на обед будет то, что мы пожелаем.

- Что и шампанское с чёрной икрой? - поинтересовался я.

- Шампанского не обещаю, это для салона «люкс», а чёрная икра и вино будет точно, - без иронии в голосе пообещала стюардесса, что мы, конечно, восприняли как шутку.

После того как салон заполнился разноплеменной толпой и на крайнем кресле в нашем ряду занял румын, который непременно захотел с нами познакомиться поближе, мы, перемешивая русско-английские слова, красноречивыми жестами, узнали, кто он и зачем летит в третий раз Монголию.

Биография румына была проиллюстрирована толстой пачкой фотографий, где были увековечены самые интересные периоды его жизни – всевозможные торжества, свадьбы и семейный отдых. Судя по фотографиям, если сравнивать по уровню, даже до нашей советской жизни, румынам было ещё очень далеко.

Тем не менее, в этот раз, наш румын надеялся, что наконец-то удастся заработать на дизельной станции в какой-то монгольской пустыне столько, что уже с накопленными деньгами, ему хватит на покупку советской «Волги».

Он никак не мог поверить, что мы летим в Сибирь не для того, как он в Монголию заработать, а просто путешествовать.

Во время нашего разговора с румыном, мимо нас в салон «люкс» прошла стюардесса с двумя бутылками шампанского, и поэтому, когда она возвращалась обратно, я у неё поинтересовался, когда же шампанского удостоимся и мы.

- Шампанское только для монгольского дипломата, - ответила мне стюардесса, - а вам положено только вино.

- Надеюсь, хотя бы с чёрной икрой, - решил подшутить над ней я.

- Конечно, - сказала стюардесса, - и вскоре подала мне поднос, на котором, кроме традиционной аэрофлотовской курицы с рисом, было и вино, и чёрная икра.

Володя с румыном удивились не меньше меня, особенно румын, который никогда ещё не ел чёрной икры. Икры, было, скажу, не так много, и я решил, пусть уж её

съест румын, и переложил свою икру ему на поднос. То же самое сделал и Володя Ерошичев, к удивлению стюардессы, за здоровье которой мы и решили выпить.

Самое интересное было в Иркутском аэропорту, после посадки, когда нас погнали в терминал для иностранцев, и я устал объяснять служащей аэропорта, что нам троим туда не надо. Она явно не понимала русского языка или так была закомплексована инструкциями, что просто перестала соображать, что на этом международном рейсе могли быть просто советские пассажиры, летевшие до Иркутска.

Наконец я не выдержал и перешел на мат:

- Ё... твою мать, ты, что совсем ох...ла, - нам не х..я там делать, - и я показал пальцем в сторону, куда шли пассажиры с обычных рейсов, с приземлившихся вслед за нами самолётов.

- Так бы сразу и сказали, - ни капельки не смущаясь, ответила служащая аэропорта, - теперь понятно, что вы наши, и вам надо пройти туда...

Устроившись на новом месте, и поглядывая из окна вагона на перрон, я стал думать, а кого могут загонять в вагон в Усть-Куте, перед самым отходом поезда, и кроме переброски уголовников, с одной коммунистической стройки на другую, ничего другого в голову не приходило.

И вот, когда до отхода поезда оставалось несколько минут, вагон заполнился шумом и мимо меня, прижав вертикально палец к губам, и сказав «тсы-с», прошмыгнула одна из знакомых физиономий по дебаркадеру, затем другая и мне показалось, что пассажиры «Зари», просто взяли этот вагон на абордаж.

В Братске, когда я вышел в тамбур, мимо меня прошёл контролёр и я, думая, что сейчас будут проверять билеты, решил идти за ним следом на своё место. Когда я проходил мимо купе проводника, то услышал, как контролёр спросил проводника, - «сколько человек у него едут без билетов», - на что сразу последовал, удивившей своей наивностью, простой ответ:

- Да откуда я знаю, ведь я один, разве за всеми углядишь...

Что сказал на это контролёр, я не слышал, но только он после этого в вагоне не появился. Когда же через полчаса я снова пошёл в тамбур, то сквозь приоткрытую дверь купе проводника, увидел его мирно беседующим с проводником, который, заканчивая рассказывать анекдот, судя по координации движений, разливал явно не первую бутылку водки по стоящим перед ними стаканам.

Тут только до меня дошло, что во всём вагоне, только у меня одного и есть билет. А если бы я, во время посадки на поезд, пошёл к своему вагону с головы состава, то конечно бы попал бы в совсем другой вагон, хотя и с таким же номером, а в этом вообще бы все ехали без билетов.

Пассажиры выходили из нашего вагона, доезжая до своих станций, а их места сразу же занимали новые. Никто в вагоне не дебоширил, не пьянствовал, все вели себя на удивление культурно и проходящие мимо нас в вагон-ресторан пассажиры удивлялись какая у нас чистота. Сам проводник не опускался до уборки вагона, а, только периодически замечая, где намусорено, говорил, где взять веник и савок, и следил, чтобы сами пассажиры производили уборку, предупреждая, что только в «грязных» вагонах контролёры проверяют билеты.

А так как билетов ни у кого не было, то и чистота в каждой плацкартной ячейке вагона обеспечивалась без повторного напоминания.

Почти на каждой главной станции какой-нибудь зоны, в вагон заходил очерёдной котролёр, но дальше купе проводника никто из них так и не прошёл дальше по вагону.

Я понял, что это просто железная дорога устроила для себя маленький праздник, и многие пассажиры даже не предполагали, что только это позволило им не

томиться несколько дней в очередях, в надежде купить себе билет, и по-человечески добраться до дома.

Неожиданно эхо этой истории мне довелось услышать сидя дома у телевизора во время выступления бывшего «придворного» юмориста, (который жил одно время в одном доме с президентом Ельциным и его друзьями) Михаила Задорнова. В его рассказе о поезде с двумя вагонами, имеющими одинаковые номера, была обычная в конце выступления реплика, что только в такой бестолковой стране, как Россия, такое возможно.

Наверно не предполагал известный юморист, что кто-то, слушая его, идущее одно за другим по кругу и одно и то же по сути, перетолковывание непонятной ему какой-нибудь стороны повседневной российской жизни, воспринимает и его в «бестолковой стране», таким же бестолковым персонажем.

Часть третья

БАНЯ

С железнодорожного вокзала в Москве я решил поехать не к себе домой, а сначала в Малаховку, где в это время находилась моя жена с сыном. Пересев на электричку, я снова покидал Москву, так и не вкусив всех прелестей городской жизни, которых был лишён на протяжении почти двух месяцев, из которых более двух недель пришлось на одну дорогу, правда, в оба конца. Когда жена узнала, что я почти десять дней был в дороге, то сразу же предложила мне, отправиться с мужем сестры Женей Жуковым в баню, которая находилась в Родниках, и которую очень расхваливал всегда мой тесть.

До бани было не более чем полчаса езды на машине, и уговаривать меня долго не пришлось.

Что ж, если я начал своё возвращение домой с бани в Ерёме, то почему бы его и не закончить баней в Родниках.

Припарковавшись рядом с баней, мы с Жуковым вошли внутрь здания бани и сразу уткнулись в очередь из желающих помыться.

- Странно, - сказал Жуков, - в это время здесь всегда было мало народа.

Очередь медленно продвигалась вперёд, но как ни странно, за нами никто почему-то не занимал место, хотя уже немало людей прошло мимо нас, устраиваясь в очереди где-то впереди.

Это уже начало меня раздражать и когда очередной товарищ, - со словами, что я тут давно стоял впереди всех, - проходил мимо меня, я схватил его за шиворот рубашки и резко оттолкнул спиной назад к входной двери. Видимо я не рассчитал своих сил, и товарищ, хотевший без очереди помыться, неожиданно, для тех, кто стоял в очереди, приземлился на задницу у дверного порога.

- Да, я, тебе..., - приподнимаясь, начал было угрожать мне этот не сознательный товарищ, и, видя, что я надвигаюсь на него, не с явными намерениями помочь подняться, неожиданно закончил фразу словами, - ...хотел сказать, что пошутил.

Муж сестры жены сразу от меня отдистанцировался, давая понять, что меня он видит впервые, а очередь явно ждала, чем закончится этот инцидент, так что от комментария все как-то воздержались.

Тут вошёл ещё один товарищ, и, глядя на сидящего на полу человека и молчаливо смотрящую на него очередь, сразу спросил, - кто последний?

- Я последний, - ответил ему я, возвращаясь на своё место. Несознательный товарищ, поднялся с пола и сразу же сказал только что вошедшему в баню человеку, вставшего за моей спиной, что он будет за ним.

В очереди кто-то хихикнул, - но, не встретив одобрения, сразу принял серьёзное выражение лица.

Минут через десять я уже с шайкой устроился на освободившемся месте, и только приступил к водным процедурам, как ко мне подошёл Жуков и сказал:

- Сейчас, когда я набирал воду, слышал, как мужики обсуждали твоё телосложение.

- Кожа и кости и откуда только у него столько силы берётся. Не дай бог на улице на такого нарвёшься...

Последние слова, связанные с улицей, из того, что мне рассказал Жуков, я слышал за своей спиной, но не знал, что они относятся ко мне. Начала фразы я не расслышал, но заканчивалась она словами «...на улице к такому прие...ться».

Нечто подобное со мной произошло и в Ерёме. Я уже собрался идти в баню, как в дом Кости Юрьева зашёл соседский мальчишка и сказал мне, что какой-то мужчина из Преображенки хочет со мной поговорить.

- А где он сам? – поинтересовался я.

- На реке, у своей лодки, – ответил мальчик.

Пришлось идти к реке по достаточно крутому спуску, где и в метрах трёх от берега, сидел на носу моторной лодки, сын одного из моих знакомых охотников. Судя по тому, как этот мужчина упирался ногами в охотничьих сапогах в дно песочной отмели, было понятно, что он изрядно пьян.

Поздоровавшись с ним, я поинтересовался, что ему от меня нужно. Заплетающимся языком, да ещё с отвратительной дикцией, мужчина стал меня расспрашивать, «не видел ли я его отца, проплывая мимо зимовья у Большой Чайки».

Я ответил, - что нет, - и хотел уже закончить с ним разговор, но мужчина стал настаивать, чтобы я подошёл к нему, так как ему есть, что мне сказать.

Я был в туристических ботинках и идти к его лодке по воде, просто не испытывал ни малейшего желания, как и выслушивать то, что он мне там скажет. И так было понятно, что ничего нового, кроме того, с кем он сегодня пил и какой для этого у него был повод.

Поэтому от приглашения идти к его лодке я отказался, сославшись на то, что я в ботинках и к тому же мне уже натопили баню. Мужчина начал возмущаться, что из-за такой ерунды, я не хочу его уважить, говоря, что тут мелко и если немного обойти лодку стороной, то больше чем по колено не будет. Давая понять, что разговор закончен, я повернулся к нему спиной и стал медленно подниматься по песчаному откосу обратно в деревню.

- Ты, что так и пошёл, - донесся вслед мне его голос, - смотри, как бы потом не пожалел!

Понимая, что разговаривать с пьяным, только людей смешить, я всё-таки не удержался и, повернув к нему голову, ответил:

- Да, я уже сейчас пожалел, что спустился к реке.

Поднимаясь дальше, я уже не слушал, что кричал сын знакомого мне охотника и думал, как бы сдуру, он не выстрелил мне в спину из карабина и не пожалел бы потом хозяин дома, что натоплена баня зря...

Когда мы возвращались из Родников обратно в Малаховку, я попросил Женю Жукова ничего не рассказывать там, что приключалось со мной в бане, но, не смотря на обещание, он как-то проговорился, и моя жена, как обычно не нашла слов, «по достоинству» оценить мой поступок.

«Последнее возвращение в Ерёму»

Эта моя последняя экспедиция 1986 года в верховья Левого Алтыба, в бассейне Нижней Тунгуски, известной, как Угрюм-река, закончилась безрезультатно, как и все прежние, связанные с поиском предполагаемого места падения Тунгусского

метеорита, в верховьях реки Южная Чуня. Опять не повезло с тем, что быстро падала вода и с подвесным мотором «Ветерок-8», в котором пришлось применять гребные винты, рассчитанные на мотор «Ветерок-12» большей мощности, и поэтому выжать из него более 6 лошадиных сил я не мог, что создавало проблемы при подъёме через пороги.

Но самое удручающее было в том, что от меня стали шарахаться люди, которые всегда шли с радостью на любой контакт, во время всех моих предыдущих путешествий.

Сначала, не придавая этому особого значения, я даже опрометчиво отказался от приглашения геологов работавших на реке Большая Ерёма, отведать у них ухи.

Но чтобы не обидеть геологов, я сказал им, что меня в Хомакашево дожидается охотник Геннадий Иннокентиевич Мирк, с которым мы договорились, что он на своей лодке часть моего груза подбросит до предалтыбских порогов, а если позволит вода, которая катастрофически для меня падает, то и дальше. Отказываясь от приглашения, я, тем не менее, пообещал, что на обратном пути обязательно воспользуюсь их гостеприимством.

На обратном пути, когда до базы геологов оставалось километра два, я на одном из перекатов сорвал на валу шпонку и причалил к берегу, чтобы её заменить. Когда я поднимал мотор, чтобы снять винт, то увидел в воде сеть, в которой запуталось несколько маленьких рыбёшек.

Заменяв шпонку и снова опустив в воду мотор, я хотел уже плыть дальше, как заметил, что из-за поворота реки выскочила моторная лодка, в которой находилось трое человек. Я снова поднял мотор, полагая, что сейчас всё равно придётся знакомиться и делиться новостями. Но к моему удивлению лодка, когда меня в ней заметили, сразу резко повернула назад, и я даже толком не успел сообразить, почему это произошло, как она скрылась за тем же поворотом реки, откуда только что появилась.

Опуская снова мотор в воду, я опять увидел сеть и сразу же всё понял.

Преодолев несколько поворотов реки, я, наконец, доплыл до лагеря геологов. Теперь на берегу реки стояла, хорошо видная с реки, построенная геологами баня. Напротив бани стояли, частично вытянутые из воды на берег, две моторные лодки с подвесными моторами, но к моему удивлению, рядом с ними и на берегу, никого не было.

Я потрогал поочередно руками корпуса подвесных моторов. Один из них был горячим, и как я, собственно говоря, предполагал, что всё это связано с обнаруженной мной сетью, сразу захотелось плыть дальше и плюнуть на своё обещание, воспользоваться гостеприимством этих людей. Но я представил, с каким настроением им придётся работать дальше, если они сейчас обо мне подумали так, что лучше со мной не встречаться.

Поэтому я, привязав лодку к тому же колу, к которому были привязаны лодки геологов, поднялся по крутому берегу вверх и пошёл к их лагерю

Лагерь геологов представлял собой по два стоящих напротив друг друга балка, образующих своего рода улицу, которая заканчивалось небольшой горкой. Между балками на каждой стороне «улицы» были натянуты по три троса, на одном из которых с левой стороны болталась сизка небольших рыбёшек, хотя, судя по провису тросов, можно было догадаться, что на них висело не менее сотни килограмм рыбы. Это можно было прочитать по озабоченным лицам увидевших меня, как будто в первый раз геологов, которые, как я понял, успели до моего прихода спрятать всю рыбу в тайге.

Глядя на них, я вспомнил известную песню Владимира Высоцкого, в которой были слова: «они стояли молча в ряд, их было восемь...».

Правда здесь было двенадцать перепуганных насмерть мужчин, которые перегородили «улицу» и не проронили ни одного слова, пока я не подошёл к столу с импровизированными стульями из распиленного на части ствола лиственницы. Сев на ближайший чурбан и облокотившись на стол локтём, я, вглядываясь поочередно в их лица, думал до чего дошли люди, если стали бегать друг от друга в тайге, как от медведя или волков.

Чувствуя, что молчание затянулось, я обратился к одному из геологов с улыбкой, хотя не знаю, насколько она у меня получилась:

- Ну, что ребята, может, чаем хотя бы, угостите?

Моментально кто-то бросился за чайником и не успел я сообразить, как на столе появилась кружка, сахар, галеты, копчёная рыба, и следом за всем этим, чайник с уже заваренным прямо в нём чаем. Размешивая в кружке сахар, я поинтересовался у них, с чего это они так перепугались, что бросились от меня бежать на реке:

- Представьте, что может быть, мне было плохо, сердце прихватило, дорога каждая минута, а вы из-за пары тухлых, запутавшихся в сети ельцов, по сути, могли бросить в беде человека. - Как мне вас понять?

Только после этих слов напряжение, возникшее между нами в первые минуты встречи, исчезло, и я узнал причину их такого неадекватного в таёжных условиях поведения.

Оказывается, несколько дней назад к ним нагрянул на вертолёт охотрыбнадзор, вместе с которыми был Геннадий Иннокентиевич Мирк, в угодах которого работали эти геологи. После того, как у них отобрали карабин и обнаруженные сети, в последний раз предупредили, что если во время следующей проверки, они не будут заниматься своим непосредственным делом, а браконьерничать, то в отношении их будет возбуждено уголовное дело. А тут ещё, ладно бы Мирк спросил, а то главный инспектор:

- Да, кстати, тут наш турист, ещё не проплывал?

Вот тогда и поняли превратно геологи, что я такой же «турист», как они «космонавты» и оттого такой был мне обеспечен официальный приём.

Конечно, мне было приятно, что через 20 лет с начала моих путешествий в этих краях, меня, наконец, признали «своим», но как-то было грустно смотреть на людей, которые так быстро за это время перестали доверять друг другу. И главное, теперь уже точно знать, что больше не стоит надеяться, что кто-то из «посторонних» в этих местах, при крайних обстоятельствах, окажет мне помощь...

«Уроки советского языка»

Из дневника: «12 июля 1974 года в 6-15 вылетел из Киренска через Бур, Ику, Преображенку в Ерёму, при близком участии капитана Мамонтова. Взял под свою ответственность двух мальчиков до Ерёмы, один из них, якобы, тоже к Юрьеву. Дали честное пионерское и честное ленинское, что не врут».

В Киренске, перед посадкой на самолёт АН-2, летящий до Ербогачёна, стоят перед выходом на лётное поле двое мальчишек и что-то объясняют работнице аэропорта. Когда я подошёл к ним то услышал:

- Ещё раз повторяю, мальчики, что без сопровождения взрослых, лётчик отказывается вас брать!

- Тётька, но нас же родители посадили в Иркутске на ИЛ-14, почему же мы не можем лететь дальше, по тем же билетам до Ерёмы?

- Ну, если лётчик с ИЛ-14 взял на себя ответственность, то наш с АН-2, брать не хочет. Потому, что, если с вами, что случится, он под суд идти не хочет. Так что

ребята отойдите в сторону и не мешайте пассажирам идти к самолёту. И уже обращаясь ко мне лично:

- Мужчина, вы встали, это вас не касается, - но я задаю встречный вопрос:

- Так, а теперь куда пойдут эти ребята, которых вы не пускаете в самолёт? Болтаться по Киренску, или, - указав рукой на стоявшего рядом с ней милиционера, - вы их отправите в детскую комнату милиции?

Услышав это, милиционер сразу вспомнил, что у него есть какие-то важные дела, и быстро пошёл в сторону аэровокзала. Работница аэропорта не растерялась и быстро среагировала, как у нас бывает повсеместно, когда свои должностные обязанности стараются переложить на плечи тех, кто начинает призывать к порядку или требовать к себе человеческого отношения:

- Если вы такой сердобольный товарищ, то почему бы вам самому не взять ответственность за этих мальчиков и поручиться, что вы их будете сопровождать до Ерёмы, гарантируя, что они не покинут самолёта, на одной из промежуточных посадках в Ике, Буре или Преображенке?

Смотря с надеждой обращённые на меня глаза подростков, я спросил у них:

- И к кому же вы летите в Ерёме?

- Мы к Юрьевым! – в один голос, ответили ребята, что меня несколько озадачило, и я задал дополнительный вопрос:

- Я тоже лечу к Юрьеву. И кем же работает в Ерёме Юрьев?

Ребята сказали, что их родственник работает в промхозе и дом его находится недалеко от почты, где начальник тоже Юрьев, но он не их родственник.

- И не врётё? – на всякий случай, улыбаясь, переспрашиваю я, и слышу, как ребята, друг за другом, чуть ли не выпаливают, отдавая мне салют:

- Честное пионерское, дяденька..., честное ленинское..., что не врём!

После таких заверений в своей честности, я попросил работницу аэропорта передать лётчику, что берусь доставить ребят в Ерёму, и если нужно, готов расписаться, что беру их собой, под свою личную ответственность.

- Ладно, идите, - сказала сотрудница аэропорта, и я с мальчишками иду к самолёту. Один из лётчиков, посмотрев на ребят, хотел, что-то сказать, но я опережаю его вопрос словами:

- Они со мной!

Дверь самолёта закрывается, и мы летим с промежуточными посадками в Ике, Буре, Непе, и Преображенке до Ерёмы. В Ерёме ребят встречали родственники и о «дяденьке», они даже не вспомнили, даже забыли сказать спасибо.

Вскинув на плечи рюкзак, я пошёл по дороге в село, до которого нужно было идти минут двадцать-тридцать, а то и больше, в зависимости от состояния дороги и переносимого груза.

Почему-то по пути вспомнилась другая история с двумя мальчиками, которая произошла в Ерёме в пятидесятые годы, рассказанная мне Клавдией Ивановной Юрьевой в прошлом году, когда я возвратился из своего первого путешествия на Алтыб и узнал, что она работала в тех местах в экспедиции, которая искала там алмазы. Разумеется, я воспользовался возможностью подробнее узнать об Алтыбе, по которому я поднялся, волоча за собой лодку не более 1,5 км, даже не пройдя первый каскад порогов, и далее вверх пешком до его конца. Понимая, что дальше должны быть другие пороги, так оно в последствии оказалось, но Клавдия Ивановна, там не была, но зато рассказала, как она работала в геологической партии, о своём первом дне и жуткую историю с детьми, которую я сейчас вспомнил.

Мать Константина Юрьева, начальника ерёминской почты в начале 50-х годов работала в геологической партии, которая производила поиск алмазов на Большой Ерёме, и её притоках Еремакане и Алтыбе. Следы от деятельности обогатительных

фабрик и отвалы породы мне довелось увидеть ещё в 1972 году. В 1973 году, в геологическом посёлке, недалеко от устья Алтыба, рядом с полуразрушенными строениями и землянками, можно было ещё увидеть ленд-лизовские ящики, в которых, скорее всего, были банки с консервами. Интересно, что на Большой Ерёме были обнаружены все сопутствующие алмазам минералы, в том числе пиропы, но самих алмазов пока не нашли. Об этом мне рассказал один из руководителей очередной экспедиции в эти края, который тогда сетовал на то, что было нельзя вносить коррективы по ходу поисковых работ. В частности он тогда говорил мне:

- Вот взяли мы в одном месте интересные пробы, нет, чтобы развернуть работы там, мы должны сниматься и продолжать работу по утверждённому плану. Когда результаты будут через несколько лет проанализированы, всё равно в эти места снова отправят экспедицию.

С 1973-го по 1986 год мне не раз приходилось в этом убеждаться, но это не имеет никакого отношения к воспоминаниям Клавдии Ивановны Юрьевой.

Первый день своей работы в геологической партии Клавдия Ивановна, запомнила с мельчайшими подробностями на всю жизнь.

Её привели к глубокой траншее, которую называли шурфом и сказали, как копать, куда отвозить на тачке грунт и куда складывать, попадавшие крупные камни. Целый день она копала, потом вместе со всеми обедала и продолжала копать дальше. Работы велись в три смены. Но Толька она пришла со своей смены после окончания работы в свою землянку и прилегла на нары, чтобы немного передохнуть после ужина, как в дверях появился бригадир второй смены и крикнул: «Юрьева, на работу!

Отработав вторую смену, Клавдия Ивановна снова вернулась в свою землянку, но на этот раз даже не успела дойти до своих нар, как появился бригадир третьей смены и тем же командно-раздражённым голосом закричал: «А, что Юрьеву, всегда персонально нужно приглашать на работу!»

После третьей смены Клавдия Ивановна, даже перестала соображать, то ли идти в столовую, то ли сразу же пойти в землянку, но из этого раздумья её вывел бригадир первой смены, даже похвалив, что она первый вышла на работу.

Клавдия Ивановна уже ничего не соображала, когда в четвёртый раз подряд спустилась в глубокую траншею и взяла в руки кирку. Сделав несколько ударов, она даже не заметила, как кирка выпала из её рук, и она провалилась в глубокий, как чёрная бездна сон. Очнувшись она от грубого расталкивания и встряхивания за плечи и не могла сразу понять, что от неё хочет её бригадир:

- Вот ещё Бог послал работницу..., - и больше ничего, кроме отборного мата, она никак не могла разобрать, и как только бригадир переставал её трясти, снова проваливалась в тот же, как чёрная пропасть сон, который может только отдалённо напоминать сон мертвеца пьяного человека.

- Нет, это уже, Чёрт знает что! - наконец, бросив бесполезное занятие привести в чувство Клавдию Ивановну, сказал бригадир и, выбравшись из траншеи, пошёл жаловаться начальнику партии, на ходу не переставая крыть матом и разгоняя не в меру любопытных работников своей смены по рабочим местам.

Вскоре он опять стоял перед траншеей со спящей Клавдией Ивановной и, показывая на неё начальнику партии, стараясь как-то обходясь без мата, и как-то сдерживаясь, чтобы не перейти на крик, выразить своё возмущение этим фактом, вопиющего нарушения трудовой дисциплины:

- Посмотрите, кого нам присылают, толи беспробудную пьянь, хотя вроде запаха спиртного не чувствуется, толи каких-то припадочных, иначе не знаю, как оправдать этот натуральный саботаж!

Начальник партии приказал окатить Клавдию Ивановну водой и когда она, наконец, немного очухалась, потребовал от неё объяснений, - как с ней такое могло произойти.

Клавдия Ивановна начала подробно объяснять, как она отработала три смены подряд, не раз прерываясь, не в силах сдержать слёз, когда ей казалось, что этому не хотят поверить, а так как она не знала фамилий, отправлявших её на работу бригадиров, то начальник партии распорядился позвать их всех.

Внимательно выслушав Клавдию Ивановну, начальник партии, перевёл взгляд на бригадира, который несколько минут назад, пугал его саботажем и тот, зачем-то сняв кепку, как провинившейся холоп перед баринном, стал вертеть её в руках, не зная, что с ней делать и куда её положить.

Потом, обращаясь к Клавдии Ивановне, - попросил её успокоиться, перестать реветь и сказал, что он сейчас разберётся с этим и ещё с двумя мудаками из 2-ой и 3-ей смены.

- Извините Клава, что я накричал на вас, теперь идите, отдыхайте и на работу выходите только через три дня. - Да ещё запомните, что ваш начальник вот этот, сказал бы я кто он, ну ладно, считайте, что мужик, и только он может направлять вас на работу и никто другой.

А пришедшим по его вызову начальникам трёх смен он впервые обратился в привычной для них интеллигентской манере, а уже на понятном всем в этих местах языке:

- Что совсем сдурели, или забыли, что в этих местах, каждый второй Юрьев или Юрьева, или у вас у каждого человек по пятьсот рабочих, что не знаете каждого из них в лицо?

- Да, она новенькая, - начал оправдываться начальник первой смены, - вот и оплошали, - поддакнул начальник второй смены.

- А у меня Юрьевых четыре человека, да я и кричал Юрьев, но не знаю, почему она попёрлась на работу и потом в темноте не разобрал – мужик это или баба, - хотел перевести разговор в шутку, начальник третьей смены.

В траншее напротив заржали рабочие и неожиданно замолкли, когда начальник партии, интеллигентный человек, который редко на кого повышал голос, так выругался, что стоявшая рядом его жена, посмотрела на него так, как будто до этого была в браке совсем за другим человеком.

Клавдия Ивановна не могла точно сказать, когда появились новые работники, среди которых даже была целая семья – муж жена и двое малолетних дошкольного возраста детей. Семья расположилась в отдельной полуземлянке и на пребывание детей, руководство геологического посёлка долго не обращала внимания. Возможно, была какая-то договорённость, что дети какое-то время в летнее время, будут находиться тут, но ближе к осени родителей всё-таки попросили их отправить к родственникам в Ерёму.

Детей сначала отправили на моторной лодке в Усть-Чайку, а оттуда на самолёте в Ерёму. То, что детей никто не встречал, пилот, которому дали поручение доставить их в Ерёму, даже не обратил внимания. Сказали доставить - он и доставили, и с чистой совестью полетел дальше. Дети походили по Ерёме и не найдя там своих родственников, всё-таки узнали, что они недавно переехали в Лужки, теперь уже в нежилой населённый пункт, примерно в 20 километрах ниже по течению Нижней Тунгуски.

В деревне даже никто не поинтересовался, куда они теперь пойдут, и как будут добираться до своих родственников. Мало того, даже никому в голову не пришло, хотя бы накормить этих детей или отвести в сельсовет, чтобы о них там позаботились. В это было трудно поверить, поэтому, скорее всего, всё было именно так, потому что спустя 11 лет, после рассказа Клавдии Ивановны, я наглядно

представил, как всё происходило на самом деле. Правда это было в 1984 году в Непе, где я сделал вынужденную остановку по пути в Ерёму, когда понял, по расходу топлива, что до Преображенки мне не хватит буквально пяти литров бензина. Тогда, взявши пустую 10-литровую канистру, я пошёл к посёлку и там у нескольких человек, спросил, может ли кто-нибудь из них, или к кто-нибудь в селе продать 5 литров бензина. Двое сказали, что лишнего бензина у них нет, а третий, у которого тоже бензина не оказалось, что если я обойду всё село, то может, меня кто-нибудь и выручит. Я последовал его совету, но вскоре убедился, что люди просто начали избегать со мною встречи. Кто-то при моём приближении сразу же скрывался за входной дверью, кто-то ускорял шаг, и уходил от меня в другую сторону. Так, что общаться со мной, я понял, что ни у кого желания нет, а стучаться в двери и ставить людей в неловкое положение, мне совсем не хотелось. Поэтому я прекратил поиск бензина и пошёл назад к своей лодке. Вот тогда я в первый раз вспомнил, что мне рассказывала Клавдия Ивановна, о детях, как они ходили от дома к дому в Ерёме, и было понятно, что каждый в селе стремился их поскорее спровадить куда-нибудь подальше от своего дома. Я даже, как будто услышал, как им там отвечали:

- Спросите у кого-нибудь ещё, может, кто знает, куда ваши родственники уехали, - хотя все прекрасно знали, что они в Лужках, но отвезти детей в Лужки или оставить их у себя до приезда их родственников, никто не «догадался».

Детям ничего не оставалось, как пойти к своим родственникам пешком...

Тела детей случайно обнаружили недалеко от берега реки дней через десять, недалеко друг от друга. Их скрюченные тела, ввиду рано наступивших холодов, хорошо сохранились. Рука одного из мальчиков, лежащего лицом вниз, была рядом с головой. Два пальца на руке были откусаны. Думали, что пальцы у мальчика откусил какой-то зверь, но во время вскрытия в больнице их обнаружили у него в желудке. Это какой же нужно было испытывать, доводящий до сумасшедшего голод, чтобы такое могло произойти. Помню, как, во время рассказа Клавдии Ивановны, у меня задрожали пальцы рук и неожиданно представшая перед глазами жуткая картина, лежащих на берегу реку мёртвых детей, напрочь стёрло из памяти продолжение этой истории. Разве могло быть у этой истории продолжение, как и не могло тогда быть кем-то взятого на свою душу этого страшного греха.

Но, как я был тогда не прав, когда думал, что подобные истории, в 70е годы прошлого века, уже не смогут никогда повториться.

Прошло несколько лет, и как-то встретившись с геологами в Усть-Чайке, после ужина и длительного обмена впечатлениями, когда все разошлись, а я пошёл мыть свой походный котелок, ко мне подошёл один из рабочих геологической партии, единственный из тех, кто не принимал участия в наших разговорах. Он молча смотрел, как я усердно драю котелок, а потом присел на корточки рядом со мной и начал говорить так, как будто хотел исповедоваться перед священником. Возможно, он подумал, что сам Бог послал ему человека, к которому здесь все отнеслись с нескрываемым уважением и интересом. А может моя борода, напомнила ему деревенского батюшку, перед которым только и можно раскрывать свою душу.

Мне как-то не хотелось прерывать его рассказ, обнадёживающим русским выражением, - а кому сейчас на Руси хорошо, - пока он сам не указал выход из своего безнадежного положения.

Я даже от неожиданности выронил из рук котелок в воду, и его чуть не подхватило течение реки. Но я быстро поймал котелок и, положив его дном вверх его на прибрежные камни, переспросил, правильно ли я его понял:

- Я, что-то не понял, куда ты собрался идти?

- Да всё туда же, встану как-нибудь пораньше, если так будут закрывать зарплату, и пойду потихонечку вверх по реке, в Преображенку.

- Да, хотя бы ты знаешь, на берегу, какой реки, мы сидим? – всё ещё, не веря своим ушам, хотел выяснить я.

- Как, на какой реке? На Нижней Тунгуске, - уже с раздражением в голосе, ответил он.

- А почему, ты в этом так уверен? - опять всё ещё старался я понять логику его рассуждений.

- Да, потому что, когда летел сюда, я всё время смотрел в окно вертолётa и видел, что под нами всегда была Нижняя Тунгуска.

Мне хотелось назвать его мудаком, но его отрешённое выражение лица и навязчивая идея, что ему здесь недоплачивают, видно окончательно помutilи его рассудок. Поэтому от резких выражений пришлось отказаться и спокойно объяснять:

- Но может всё-таки тогда, кто-нибудь отвлёт тебя разговором, когда вертолёт повернул к Большой Ерёме? Я вот приплыл в Усть-Чайку, спускаясь по этой реке, и можешь мне поверить, что вверх по этой реке никакой Преображенки нет, как и, вообще, нет ни одного населённого пункта.

Судя по растерянному выражению лица моего собеседника, могло показаться, что мне удалось образумить этого человека, но я всё-таки ошибся, и его навязчивая идея идти вверх по реке, уже начала напоминать симптомы шизофрении:

- И, что если я буду идти всё время вверх, я так и никогда не выйду ни к одной деревне? – упрямо всё ещё надеясь, меня зачем-то переубедить своим безрассудством, продолжил не то говорить, не то уже философствовать, этот посвоему несчастный человек.

- Просто исток реки затеряется в большом верховом болоте, из которого берут начало несколько рек, - оставалось мне только объяснять этому непонятливому человеку, что вся его затея с путешествием в верховья реки пешком по её правому берегу, настолько нереальна, что кажется и обсуждать здесь нечего, но я опять ошибся.

- А, если я пройду это болото, и пойду по другой реке, вытекающей из него, то не ужели и там, не будет ни одной деревни? – по-прежнему не унимался осуществить свой безумный план, этот, уже начинающий меня раздражать своими фантазиями, товарищ.

- Допустим, если ты не свернёшь себе шею, поднявшись 300-350 километров до верхового болота, то уже маловероятно, что сможешь преодолеть ещё 50-100 километров, чтобы пересечь или обойти часть этого болота. Но будем считать, что тебе повезло, то тогда действительно останется суцая ерунда, пройди пешком 300-350 километров по берегу Южной или Северной Чуни до населённого пункта Стрелка, где тебя всё равно не встретят, как национального героя. Да, ещё большой вопрос, найдёшь ли какую-нибудь работу в Стрелке вообще, не говоря уже о том, как она там будет оплачиваться.

Этот разговор я почувствовал, мог бы закончиться не скоро, так как товарищ, в любой момент мог перейти к обсуждению своего путешествия уже вниз по Большой Ерёме, и я тут уже, невольно, мог бы его обнадёжить. Потому что через 80 километров, когда он дойдёт до Нижней Тунгуски, его могли бы переправить в село Ерёму, а оттуда на самолёте, он, оставшиеся 80 километров до Преображенки, если идти пешком по левому берегу реки вверх по течению, мог бы преодолеть минут за двадцать пять. Даже, если двумя рублями на билет он не располагал, то мог вполне «одолжить» у меня, и отказать ему в этом мне тогда было бы невозможно. Двух рублей мне, конечно, было бы не жалко, но что товарищ мог «потеряться» и по пути туда, это уже было бы на моей совести. На моё счастье, к

нам вскоре подошёл один из геологов, с которым работал этот «бедолага». А так как ему, явно не захотелось, чтобы к обсуждению финансовых проблем присоединилось начальство, то он быстро поднялся на ноги и пошёл в сторону бывшего сельского клуба, куда уже направлялись зачем-то его коллеги.

- Что это вы так долго здесь обсуждали? - поинтересовался геолог.

- Да, всё то же, давно зубренное ещё в школе, что «жизнь даётся только один раз и прожить её нужно так...», чтобы люди всё-таки знали, где ты откинешь копыта, - попытался сострить я, но геолог явно не понял моего намёка.

- К чему бы это, ты, Константин? - недоумённо, глядя в след уходящему рабочему, переспросил геолог, и мне пришлось отказаться от эзопова языка, на котором только и могла тогда описываться наша повседневная жизнь.

- Хочу сказать, что плохо вы работаете с вверенным вам контингентом помощников, если они даже не знают, на какой реке разбит их лагерь и где будет происходить дальнейшее развёртывание деятельности вашей геологической партии.

- А разве это для них имеет какое-нибудь значение? - попробовал возразить мне геолог, но я не предоставил ему возможность популярно объяснить мне, почему это никак не отражается на работе.

- Да для них, разумеется, нет, а для вас, я, думаю, полезно будет знать почему! Наверно вы и сами понимаете, что в любом трудовом коллективе все до одного никогда не бывают, довольны ни работой, ни оплатой труда. Если в городе, вопрос решается просто – человек увольняется по собственному желанию и находит другую работу, то в геологических партиях, он просто может в любой момент бросить работу и никому ничего не сказав, уйти, правда, толком не зная куда, но хотя бы в ближайший населённый пункт...

- Ну и пусть идёт, держать за руки не будем, итак других дел по горло! - перебил меня геолог, ещё не воспринимая основную мысль «никому ничего не сказав».

- Наверно у вас всех тут железные нервы, что утром, недосчитавшись одного человека из геологического отряда, вы спокойно продолжите работы? Мне трудно поверить, что вы не начнёте поиски, может заблудившегося где-то поблизости человека, который сломал ногу или получил более тяжёлую травму и без посторонней помощи никак не может возвратиться в ваш лагерь? – продолжил рассуждать я, стараясь тем самым вернуть геолога из мира его личных амбиций в мир реальности.

- Так ещё ни разу не было, - возразил мне геолог, - обязательно в таких случаях, кому-нибудь такой человек проболтается или оставит записку, почему и куда он пошёл.

- Я могу согласиться с вами, что и этот мужчина, который скрылся сейчас за дверями бывшего клуба, тоже бы сказал кому-то или оставил записку, что он ушёл в Преображенку. Правда, только куда он пошёл бы на самом деле, если собирался идти вверх по течению реки, думая, что эта река Нижняя Тунгуска? – задал встречный вопрос я, не без интереса наблюдая, как стало изменяться выражение лица геолога от налёта явного безразличия, до полной растерянности, что такое, вообще, могло бы произойти.

- И, что это действительно, на полном серьёзе, он тебе так и сказал? - ещё не веря моим словам, но уже, не воспринимая, сказанное мной за шутку, бедный геолог заметался по берегу, и красноречиво жестикуюлируя руками, нецензурно, но зато предельно точно, наконец, так выразил свою озабоченность, свалившейся на его голову проблемой.

Зато мне сразу почувствовалось, как будто целая гора свалилась с плеч и ничто не помешает завтра, покидая Усть-Чайку, снова оказаться в положении человека,

которому больше ничего не хочется, как остаться наедине с очень хорошим человеком, то есть с самим собой.